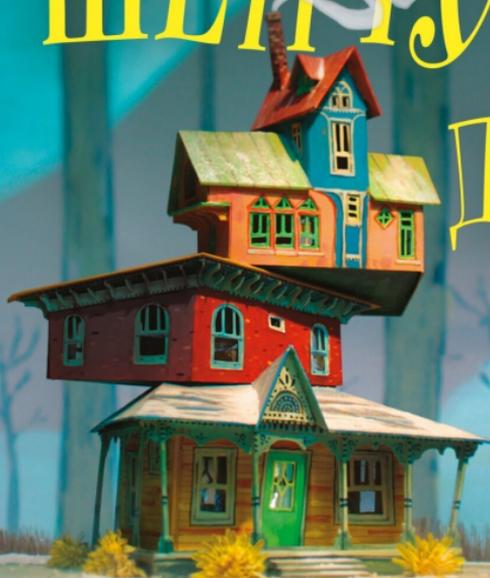

Ти Джей Клун

Автор бестселлера «ДОМ В ЛАЗУРНОМ МОРЕ»

18+

ПОД
ШЕПЧУЩЕЙ
ДВЕРЬЮ

СМЕРТЬ – ВСЕГО ЛИШЬ НАЧАЛО

Ти Джей Клун

Под шепчущей дверью

Серия «Young Adult. Friendly»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68512497

Под шепчущей дверью:
ISBN 978-5-04-178093-7

Аннотация

Новинка от автора бестселлера «Дом в лазурном море» Ти Джей Клуна!

«Под шепчущей дверью» – забавный, запоминающийся и добрый роман.

Это воодушевляющая история о жизни офисного планктона и его попытке построить новую жизнь после смерти.

Добро пожаловать на «Переправу Харона».

Горячий чай, свежие булочки и шепотка мертвых душ.

Когда Жнец пришел забрать Уоллеса с его собственных похорон, тот начал подозревать, что мертв.

А когда Хьюго, владелец необычной чайной лавки, пообещал помочь ему переправиться из одного мира в другой, Уоллес наконец-то понял, что его определенно нет в живых.

Но даже после смерти ему не хотелось отказываться от своей земной, пусть и не очень интересной жизни.

Ему дают ровно неделю на переход. И Уоллес намерен провести эти семь дней так, как всегда мечтал.

Финалист премии «Локус».

Бестселлер Amazon.

Бестселлер New York Times.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	51
Глава 4	71
Глава 5	90
Глава 6	105
Глава 7	123
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Ти Джей Клун

Под шепчущей дверью

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

Посвящается Эрику

Надеюсь, ты проснулся в каком-нибудь интересном месте.

Автор предупреждает

В этой истории исследуются жизнь и любовь, равно как потеря и горе.

Речь здесь идет о разных видах смерти – тихой смерти, внезапной смерти, самоубийстве.

Пожалуйста, читайте с осторожностью.

Глава 1

Патрисия плакала.

Уоллес Прайс ненавидел, когда люди плачут.

Неважно, делают они это тихо, громко или же рыдания сотрясают их с головы до ног.

Слезы бесполезны и лишь отсрочивают неизбежное.

– Как вы узнали? – спросила она. Ее щеки были мокрыми, и она потянулась к коробке с бумажными салфетками. Гримасу на его лице она не заметила. И это, вероятно, было к лучшему.

– А как я мог не узнать? – Он скрестил руки на дубовом столе, офисное кресло скрипнуло, когда он устраивался на нем для лицезрения того, что, как он был уверен, обернется неубедительным спектаклем. При этом он старался не обращать внимания на вонь хлорки и средства для чистки стекол.

Ночная уборщица, вероятно, что-то пролила в его кабинете, и амбре было сильным и приторным. Уоллес отметил для себя, что следует уведомить всех, что он крайне чувствителен к запахам и не способен работать в подобных условиях. Прямо-таки варварских.

Жалюзи на окнах были плотно закрыты и не пропускали полуденного солнца, кондиционер работал во всю свою мощь, и это держало Уоллеса в тонусе. Три года назад кто-то попросил выставить термостат на двадцать градусов. И он только рассмеялся в ответ. Тепло – основа лени. Когда тебе холодно, ты не можешь не двигаться.

Его фирма работала как хорошо смазанный механизм, продуктивный и самодостаточный, ни в чем не испытывающий нужды – то есть именно так, как любил Уоллес. Он не достиг бы подобного результата, если бы ему приходилось контролировать каждого сотрудника. Хотя, разумеется, он пристально следил за всеми и вся, и его подчиненные знали, что им необходимо работать так, будто от этого зависит их жизнь. Клиенты были для него самыми главными людьми на свете. И когда он велел прыгать, то ожидал, что все, для чьих ушей это предназначено, будут прыгать, не задавая неуместных вопросов вроде *как высоко?*

Он вернулся мыслями к Патрисии. Механизм сломался, и хотя никто не безупречен, Уоллесу необходимо было заменить неисправную деталь на новую. Он вложил слишком много сил в свое дело и не мог допустить, чтобы где-то слу-

чился сбой. Прошедший год был самым удачным в истории фирмы. А нынешний должен оказаться еще лучше. Неважно, в каком состоянии пребывает мир: всегда есть на кого подать в суд.

Патрисия высморкалась.

– Я не думала, что это имеет для вас какое-то значение.

Он посмотрел на нее:

– Почему вы так решили?

Патрисия слабо улыбнулась:

– Вы не такой человек.

Он рассердился. Как смеет она говорить нечто подобное, особенно своему боссу? Десять лет назад, когда она проходила собеседование на должность младшего юриста, он не думал, что одобрение ее кандидатуры вот так аукнется ему. Она была девушкой жизнерадостной, и Уоллес не сомневался, что со временем это ее качество поблекнет, она поймет, что юридическая фирма – не то место, где можно радоваться жизни. Как же он ошибался.

– Конечно, я...

– В последнее время мне приходилось *трудно*, – сказала она так, будто он молчал. – Я пыталась держать все в себе, но от вас же ничего не скроешь.

– Вот именно, – отозвался он, пытаясь вернуть разговор в нужное русло. Чем скорее он покончит с этим, тем лучше будет для них обоих. Патрисия в конце концов согласится с ним. – А теперь, если бы вы...

– А вам *не все равно*, – упорно продолжала она. – Я знаю это. Поняла в тот самый момент, когда вы в прошлом месяце подарили мне на день рождения такой красивый букет. Я поняла, что вы пытались этим сказать. Что вы цените меня. А я, в свою очередь, ценю вас, мистер Прайс.

До него не доходило, о чем она. Он ничего ей не дарил. Должно быть, это сделала его помощница. А сам он собирался только переговорить с Патрисией. И в цветах не было нужды. Зачем? Поначалу они красивые, но потом умирают, листья и лепестки сморщиваются и засыхают; если цветов не дарить, всего этого мусора не будет. Подумав об этом, он взял свою невероятно дорогую авторучку и написал записку-напоминание (ИДЕЯ ДЛЯ РАССЫЛКИ: РАСТЕНИЯ – ЭТО УЖАСНО, ОНИ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ). Не поднимая глаз, он произнес:

– Я вовсе не пытался...

– Кайла уволили два месяца назад, – сказала она, и у него ушло больше, чем он готов был признать, времени на то, чтобы сообразить, о ком она говорит. Кайл был ее мужем. Уоллес виделся с ним на одном корпоративном мероприятии. Кайл был изрядно нетрезв, поскольку с удовольствием налегал на шампанское, которым «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон» поила сотрудников и гостей по поводу завершения еще одного удачного года. Кайл, с пылающим от выпивки лицом, потчевал собравшихся какой-то длинной историей, смысла которой Уоллес и не пытался уловить, тем более

что Кайл, по всей видимости, считал способность говорить громко и с преувеличениями необходимым качеством рассказчика.

– Мне очень жаль, – холодно бросил он, перекладывая с места на место телефон. – Но мне кажется, мы должны сосредоточиться на деле...

– У него не получается найти другую работу, – пожаловалась Патрисия, комкая одну салфетку и беря другую. Она вытерла глаза, макияж размазался по лицу. – И это случилось в самое неподходящее время. Наш сын летом женится, и мы должны оплатить половину свадьбы. Не знаю, как мы с этим справимся, но что-нибудь да придумаем. Как и всегда. Это просто еще один ухаб на нашей многотрудной дороге.

– Примите мои поздравления, – ответил Уоллес. Он понятия не имел, что у нее есть дети, поскольку не вникал в личную жизнь своих сотрудников. Дети отвлекали от работы, и ему это не нравилось. Из-за них работники тратили уйму времени на всяческие утренники и болезни, так что коллегам приходилось подменять их. И раз уж, по утверждению отдела кадров, он был не вправе требовать от них безбрачия («Вы не можете сказать им, чтобы они просто завели собаку, мистер Прайс!»), то он часто имел дело с матерями и отцами, которые отпрашивались с работы ради того, чтобы прислушиваться к рвотным позывам детей или внимать визгливым песенкам о причудливой форме облаков и прочей бессмыслице.

Патрисия снова громко высморкалась, и от этого протяжного и невыносимо влажного звука у него по коже побежали мурашки.

– А кроме того, у нас есть дочь. Я думала, у нее нет цели в жизни и она кончит тем, что заведет десяток хорьков, но потом фирма любезно предложила ей стипендию, и она наконец определилась. Бизнес-школа – подумать только. Разве это не замечательно?

Он искоса взглянул на нее. Надо будет поговорить с партнерами. Он не знал, что они раздают стипендии. Да, они занимаются благотворительностью, но это сполна окупается налоговыми льготами. Он не понимал, какую отдачу можно получить от предоставления стипендии для обучения в столь нелепом заведении, как бизнес-школа, даже если это позволяет снизить налоговую базу. Дочь Патрисии захочет, вероятно, совершить нечто идиотское – открыть, например, ресторан или какую-нибудь некоммерческую организацию.

– Думаю, у нас с вами разные представления о том, что замечательно, а что нет.

Она кивнула, но он не думал, что она услышала его.

– Эта работа очень важна для меня, особенно сейчас. Мы здесь как одна большая семья. Поддерживаем друг друга, и я вряд ли достигла бы чего-то без этой поддержки. И вот вы почувствовали, что у меня неприятности, и пригласили сюда, чтобы я могла выговориться, и это значит для меня больше, чем вы можете себе представить. Мне плевать, что

о вас говорят, мистер Прайс. Вы хороший человек.

И что, интересно, это значит?

– И что обо мне говорят?

Она побледнела.

– О, ничего плохого. Сами знаете. Вы основали эту фирму. Ваше имя значится на фирменном бланке. И это... потрясающе.

Уоллес расслабился. Ему стало лучше.

– Да, ну, я полагаю...

– То есть да, кое-кто утверждает, что вы можете быть холодным и расчетливым, и если не получаете немедленно, чего хотите, то так сильно повышаете голос, что всем становится страшно, но эти люди не чувствуют вас так, как чувствую я. Я знаю, что за фасадом дорогих костюмов скрывается отзвучивший человек.

– За фасадом, – повторил за ней он, довольный тем, что она восхищается его чувством стиля. Его костюмы действительно были роскошными. Самыми лучшими. Вот почему памятка для новых сотрудников включала детальный список «правильной», по его мнению, одежды. Хотя он не требовал, чтобы все одевались в дизайнерские вещи (особенно учитывая кредиты, взятые на обучение), но все же, если кто-то носил одежду, несомненно, приобретенную на распродажах, его неминуемо ждал разговор о необходимости выглядеть достойно.

– Вы жесткий снаружи, но внутри вы маршмеллоу, – за-

явила она.

Его никто еще так не обижал.

– Миссис Райан...

– Пожалуйста, зовите меня Патрисией. Я много раз просила вас об этом.

Да, так оно и было.

– Миссис Райан, – твердо сказал он. – Я радуюсь вашей высокой оценке моей персоны, но мне кажется, нам есть что еще обсудить.

– Верно, – поспешила ответить она. – Конечно. Я знаю, вы не любите, когда вас хвалят. Обещаю, что не буду больше говорить вам комплименты. Мы ведь, в конце-то концов, встретились не для того, чтобы обсуждать вас.

Он почувствовал облегчение.

– Вот именно.

Губы у нее дрожали.

– Мы разговариваем обо мне и о том, что в последнее время мне приходится очень трудно. Вот почему вы вызвали меня к себе после того, как застали плачущей в кладовке.

Он подумал тогда, что она делает там инвентаризацию и у нее аллергия на пыль.

– Думаю, нам нужно перейти к...

– Кайл не прикасается ко мне, – прошептала она. – Вот уже несколько лет я не ощущаю его рук на своем теле. Я говорю себе, что такое бывает, если люди живут вместе очень долго, но боюсь, причина не только в этом.

Он вздрогнул.

– Не уверен, что допустимо...

– *Знаю!* – воскликнула она. – Это абсолютно недопустимо! Знаю, я работала по семьдесят часов в неделю, но разве это так уж много – просить мужа выполнять свой супружеский долг? Мы же *клялись* делать это.

Какой ужасной должна была быть их свадьба. Они наверняка праздновали ее в «Холидей Инн». Нет. Хуже того. В «Холидей Инн Экспресс». Он содрогнулся от этой мысли. Вне всяких сомнений, там было и караоке. Судя по тому, что он помнил о Кайле (а помнил он совсем немного), тот, скорее всего, пел мешанину из «Джорни» и «Уайтснейк», время от времени делая глоток того, что называл *пивасиком*.

– Но я не возражаю против сверхурочных, – гнула свое она. – Это часть работы. Я знала об этом, когда вы нанимали меня.

Ага! Лазейка!

– Кстати, если говорить о найме...

– Моя дочь сделала пирсинг в носу, – грустно покачала головой Патрисия. – И стала похожа на быка. Моя маленькая девочка хочет, чтобы за ней гонялся матадор и втыкал в нее всякие ужасные штуковины.

– Черт побери, – пробормотал Уоллес, проводя рукой по лицу. У него нет времени на все это. Через полчаса начнется собрание, к которому еще надо подготовиться.

– *Знаю!* – снова воскликнула Патрисия. – Кайл сказал, что

это – составляющая взросления. И что мы должны позволить ей расправить крылья и совершить свои собственные ошибки. Но я и подумать не могла, что она вденет в нос это проклятое *кольцо*! И даже не спрашивайте меня о сыне.

– О'кей, – согласился Уоллес. – Не буду.

– Он хочет, чтобы еду на свадьбу поставляла «Эпплбиз»!
«Эпплбиз».

Во взгляде Уоллеса застыл ужас. Он не знал, что склонность к организации преотвратных свадеб передается по наследству.

Патрисия яростно кивнула:

– Будто мы можем позволить себе это. Деньги не растут на деревьях! Мы сделали все, чтобы дать нашим детям представление о том, что такое финансы, но когда ты молод, подобные вещи доходят до тебя с большим трудом. А теперь его невеста беременна, и он ждет помощи от нас. – Она театралью вздохнула. – Утром я способна встать с постели исключительно потому, что знаю: я приду сюда и... спрячусь от моих проблем.

Он почувствовал какое-то странное шевеление в груди и потер ее. Похоже на изжогу. Не надо было есть чили.

– Я рад, что мы являемся для вас убежищем, но попросил вас о встрече не поэтому.

Она шмыгнула носом.

– О? – И снова улыбнулась. На этот раз еще радостнее. – А в чем же тогда дело, мистер Прайс?

Он сказал:

– Вы уволены.

Она моргнула.

Он ждал. Теперь до нее, несомненно, дошли его слова, и он сможет вернуться к работе.

Она огляделась вокруг, смущенно улыбаясь.

– Это какое-то реалити-шоу? – наконец рассмеялась она, и на ее лице появилась тень прежнего радостного возбуждения, которое, как он считал, давно уже должно было улетучиться. – Меня снимает скрытая камера? Сейчас кто-нибудь откуда-нибудь выскочит с криком *сюрприз*? И как называется шоу? *Вы уволены, но это неправда*?

– Очень в этом сомневаюсь, – ответил Уоллес. – Я не давал разрешения на съемку. – Он взглянул на сумочку на ее коленях. – И на запись *тоже*.

Ее улыбка слегка поблекла.

– Тогда я ничего не понимаю. Что вы хотите сказать?

– Я не знаю, как выразиться еще точнее, миссис Райан. С сегодняшнего дня вы больше не являетесь сотрудницей компании «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон». Когда вы выйдете отсюда, охранники позволят вам собрать ваши вещи и выпроводят из здания. Отдел кадров в самом скором времени даст вам подписать заявление о... да как же это называется? – Он пролистал лежащие на столе бумаги. – Ах да. О пособии по безработице. Ведь даже будучи безработной, вы сможете присосаться к груди государства за счет уплаченных

мною налогов. – Он покачал головой. – Так что в некотором смысле я продолжу платить вам. Хотя и немного. И не за работу. Потому что вы здесь больше не работаете.

Она больше не улыбалась.

– Я... что?

– Вы уволены, – медленно проговорил он, не понимая, почему ей так трудно понять очевидное.

– Почему? – требовательно спросила она.

Теперь они наконец-то вступили в диалог. Отвечать на вопросы *почему?* было коньком Уоллеса. Ничего, кроме фактов.

– Из-за экспертного заключения по делу Кортаро. Вы предоставили его спустя два часа после дедлайна. И оно было принято лишь потому, что судья Смит был кое-чем обязан мне, и даже *это* удалось мне с большим трудом. Я был вынужден напомнить ему, что видел его и его любовницу-няню в... впрочем, это неважно. Вы могли лишить фирму нескольких тысяч долларов, не говоря уже об ущербе, который был бы нанесен нашему клиенту. Такие ошибки не прощают. Я благодарен вам за годы преданной работы в «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон», но, боюсь, в ваших услугах мы больше не нуждаемся.

Она резко встала, кресло проскрипело по твердому деревянному полу.

– Я не опоздала с заключением.

– Опоздали, – спокойно возразил Уоллес. – Могу показать

вам временную метку, сделанную в канцелярии, если вы того пожелаете. – Он постучал пальцами по лежащей на столе папке.

Ее глаза сузились. Но, по крайней мере, она больше не плакала. А с гневом Уоллес умел справляться. В его первый день в юридической школе ему сказали, что, хотя юристы и необходимы для функционирования общества, они, тем не менее, всегда вызывают чей-то гнев.

– Даже если я и предоставила его с опозданием, то такое произошло впервые за все годы моей работы здесь. В первый и в последний раз.

– И теперь вы можете расслабиться и не бояться, что нечто подобное повторится, – сказал Уоллес. – Потому что вы здесь больше не работаете.

– Но... но как же мой *муж*? И мой *сын*? И моя *дочь*?!

– Ах да. Я рад, что вы затронули эту тему. Если мы платили вашей дочери стипендию, теперь мы ее, разумеется, аннулируем. – Он нажал кнопку на телефоне на столе. – Ширли? Отметь для отдела кадров, что дочь миссис Райан не получит больше от нас никаких денег. Я не знаю, как это делается, но уверен: они должны заполнить какую-то форму, которую я потом подпишу. Займись этим немедленно.

Раздался голос его помощницы:

– Хорошо, мистер Прайс.

Он посмотрел на свою бывшую сотрудницу.

– Вот так. Понятно? Все учтено. А теперь, прежде чем вы

уйдете, я хотел бы напомнить вам, что мы профессионалы. Вам нет нужды кричать, или кидаться вещами, или угрожать, потому что это, вне всякого сомнения, будет классифицировано как тяжкое преступление. И пожалуйста, если можно, забирая свои вещи, не прихватите чего-нибудь, принадлежащего фирме. Заменявшая вас сотрудница приступит к работе в понедельник, и мне будет очень неприятно, если в ее распоряжении не окажется степлера или держателя для клейкой ленты. Хотя, разумеется, вы унесете с собой все безделушки, накопившиеся на вашем столе за то время, что вы работали у нас. – Он взял в руку мячик для снятия стресса с логотипом фирмы. – Они просто замечательные, верно? Помню, вы получили такой мячик по случаю семилетней годовщины вашей работы здесь. Возьмите его с моего благословения. Мне кажется, он вам пригодится.

– Так вы это серьезно, – прошептала она.

– Я серьезен, как сердечный приступ. А теперь, с вашего позволения, я должен буду...

– Вы... вы... вы *чудовище!* – закричала она. – Я требую от вас извинений!

Еще бы она их не требовала.

– Извинения предполагали бы, что я сделал что-то неправильное. А это не так. Если уж на то пошло, это вам следует извиниться передо мной.

Ее ответный вопль не был похож на извинение.

Уоллес, сохраняя хладнокровие, снова нажал на кнопку

телефона.

– Ширли? Охранники пришли?

– Да, мистер Прайс.

– Хорошо. Пусть скорее идут сюда, пока в мою голову не полетело что-нибудь тяжелое.

Уоллес Прайс в последний раз видел Патрисию Райан, когда ее, лежащую, и визжащую, и совершенно игнорирующую его предупреждение о преступных действиях, тащил прочь амбал по имени Джеральдо. Он был невольно впечатлен тем, что миссис Райан настойчиво угрожала засунуть то, что она называла *раскаленной кочергой*, ему в горло, чтобы эта самая кочерга – по ее словам – проткнула его тело сверху донизу и у него случилась бы смертельная агония.

– Вам повезет! – крикнул он от двери, зная, что его слышат все работающие на этаже. Он хотел, чтобы они знали: ему это небезразлично. – Дверь закрывается, окно открывается, и все такое. – Двери лифта сомкнулись, и ее приступ ярости остался за ними.

– Ох, – вздохнул Уоллес. – Так-то оно лучше. Возвращайтесь к работе, все. Нечего бездельничать только потому, что сегодня пятница.

И все мгновенно зашевелились.

Прекрасно. Механизм снова заработал – четко и слаженно.

Он вернулся к себе в кабинет и закрыл за собой дверь.

В тот день он вспомнил о Патрисию всего один раз – когда

получил письмо от начальницы отдела кадров, где она сообщала, что займется вопросом о стипендии. Изжога возвратилась, но в этом не было ничего страшного. По пути домой он заедет в аптеку и купит нужное лекарство. И больше он о Патрисии Райан не думал. Только вперед, сказал он себе, перемещая письмо в папку ЖАЛОБЫ СОТРУДНИКОВ.

Только вперед.

Ему стало лучше. По крайней мере, в груди было спокойно.

На следующей неделе приступит к работе новая сотрудница, и он доведет до ее сведения, что не потерпит ее ошибок. Лучше уж с самого начала внушить страх, чем разбираться с последствиями некомпетентности позже.

* * *

Но ему не выпало такой возможности.

Потому что спустя два дня Уоллес Прайс умер.

Глава 2

Народу на его похороны собралось немного. Уоллес был недоволен этим. У него не было четкого представления о том, как он попал туда. Какое-то мгновение он смотрел на свое тело. А потом моргнул и обнаружил, что стоит перед церковью, двери которой распахнуты, а колокола звонят. Бросающаяся в глаза табличка, гласившая ПАМЯТИ УОЛЛЕСА ПРАЙСА, только запутывала. Честно говоря, эта табличка ему не нравилась. Совсем не нравилась. Может, кто-то в церкви объяснит ему, что, черт побери, здесь происходит?

Он сел на скамью неподалеку от входа. Церковь совмещала в себе все, что он ненавидел: она была претенциозной, с большими витражами и несколькими изображениями Иисуса в разных позах, свидетельствующих о боли и страдании, его руки были прибиты к кресту, сделанному, похоже, из

камня. Уоллеса ужаснуло, что никто, собственно, не возражал против лицемерия предсмертных судорог Христа. Нет, он никогда не поймет религию.

Он стал ждать, когда в церкви наберется побольше людей. Табличка у алтаря гласила, что панихида начнется ровно в девять. Судя по часам на стене (еще один Иисус с руками-стрелками, что, видимо, должно напоминать о том, что единственный сын Бога был акробатом), сейчас без пяти девять, а в церкви присутствовали всего шесть человек.

Он знал пятерых из них.

Первой была его бывшая жена. Их развод оказался делом трудным, полным беспочвенных взаимных обвинений, так что адвокаты с трудом удерживали супругов, сидящих за столом напротив друг друга, от гневных выкриков. После развода она перебралась на противоположный конец страны, чтобы оказаться подальше от него. И он не винил ее в этом.

Почти.

Она не плакала. И это по не вполне понятной ему причине раздражало его. Разве ей не полагалось всхлипывать?

Второй, третьей и четвертой известными ему персонами были его партнеры по юридической фирме «Мур, Прайс, Хернандес & Уортингтон». Он ожидал, что к ним присоединятся другие сотрудники фирмы, учитывая то обстоятельство, что «МПХ&У» двадцать лет назад начала с работы в гараже, но со временем выросла в одну из самых влиятельных фирм штата. Он думал, что здесь появится хотя бы его

помощница Ширли – с разводами макияжа на лице и зажатым в кулаке носовым платочком, – причитающая, что не знает, как ей теперь жить и работать без него.

Ширли в церкви не было. Он сосредоточенно высматривал ее, отчаянно желая ее появления. Она должна была стенать, что это несправедливо, что ей просто необходим *босс* вроде Уоллеса, не позволяющий ей сбиться с пути истинного. Но она так и не пришла, и в глубине его сознания затрепыхалось беспокойство.

Партнеры собрались неподалеку от входа, рядом со скамейкой, на которой сидел Уоллес, и тихо разговаривали между собой. Прайс оставил попытки дать им знать, что он все еще здесь – сидит прямо перед ними. Они не видели его. И не слышали.

– Печальный день, – сказал Мур.

– Очень печальный, – согласился Хернандес.

– Худший из всех дней, – подытожил Уортингтон. – Бедная Ширли – плохо же ей пришлось, когда она обнаружила его тело.

Партнеры замолкли и обратили взгляды на переднюю часть церкви и почтительно наклонили головы, когда Наоми, в свою очередь, посмотрела на них. Она криво улыбнулась им и снова повернулась к алтарю.

А потом:

– Заставляет задуматься, – произнес Мур.

– Что правда, то правда, – согласился Хернандес.

– Воистину так, – подытожил Уортингтон. – Заставляет задуматься об очень и очень многом.

– Ты ни разу в жизни не высказал ни одной оригинальной мысли, – попрекнул его про себя Уоллес.

Партнеры опять на какое-то время замолкли, и Уоллес не сомневался, что они погрузились в отрадные воспоминания о нем. С минуты на минуту они начнут делиться ими, станут по очереди рассказывать короткие истории о человеке, которого знали половину своей жизни, о том влиянии, которое он оказал на них.

Может, они даже уронят слезу или две. Он надеялся на это.

– Он был засранцем, – наконец выдал Мур.

– Большим засранцем, – согласился Хернандес.

– Сущим засранцем, – подытожил Уортингтон.

И они рассмеялись приглушенным смехом, стараясь не допустить, чтобы его отразило эхо. Уоллес был шокирован по двум причинам. Во-первых, он очень сомневался, что в церкви позволено смеяться, особенно во время заупокойной службы. Он думал, что это против правил. Впрочем, он не был в церкви вот уже несколько десятилетий, и, возможно, эти правила давно изменились. А во-вторых, с какой это стати они называют его засранцем? Их почему-то не поразила молния, и это расстроило его.

– Покарай их! – крикнул он, подняв глаза к потолку. – Покарай их прямо... сейчас... – взмолился он, но быстро за-

молчал. Почему его слова не сопровождало эхо?

Мур, по всей видимости, решивший, что с него довольно горевать, спросил:

– А вы, ребята, смотрели вчера игру? Родригес был в прекрасной форме. Не могу поверить, что судья...

И они куда-то направились, разговаривая о спорте, словно их бывший партнер не лежал в красном вишневом гробу за семь тысяч долларов в дальнем конце церкви – руки сложены на груди, кожа бледная, глаза закрыты.

Уоллес, сжав челюсти, решительно обратил взгляд вперед. Они все вместе учились в юридической школе и сразу после ее окончания решили, к ужасу родителей, основать собственную фирму. Они, молодые идеалисты, были друзьями. Но со временем их дружба переросла в нечто *большее*: они стали коллегами, что имело гораздо большее значение для Уоллеса. У него не было времени на друзей. Они были не нужны ему. У него была работа, которой он занимался на тринадцатом этаже самого высокого небоскреба в городе: импортная офисная мебель и слишком большая квартира, где он проводил совсем немного времени. Все это у него было, а теперь...

Ладно.

По крайней мере, его гроб был дорогим; впрочем, он старался не смотреть на него.

Пятого человека в церкви он не узнал. Это была молодая женщина с коротко стриженными, взъерошенными черны-

ми волосами. С темными глазами над тонким, слегка вздернутым носом и бледными губами. В ушах в проникающем сквозь окна солнечном свете поблескивали сережки-гвоздики. Одета она была в элегантный черный костюм в тонкую полоску, и на ней был ярко-красный галстук. Агрессивный такой галстук. Агрессивней некуда. Уоллесу он понравился. Все его галстуки тоже были агрессивными. Нет, в данный момент на нем такого галстука не было. Видимо, после смерти ты остаешься в той одежде, в которой преставился. И ему не повезло умереть в своем офисе в воскресенье. Он пришел туда, чтобы подготовиться к следующей неделе, в спортивном костюме, старой майке с изображением «Роллинг Стоунз» и шлепанцах, поскольку знал, что в офисе никого не будет. И, к сожалению, именно эти вещи были на нем сейчас.

Женщина посмотрела в его сторону, словно услышала его. Он не знал, кто она такая, но предполагал, что каким-то образом повлиял на ее жизнь, раз уж она здесь. Может, она была его благодарной клиенткой... Со временем клиенты начинали восприниматься им как единая безликая масса. Возможно, он подал от ее имени иск крупной компании за слишком горячий кофе, или за домогательства, или за что-то еще, и она получила большую компенсацию. Разумеется, она была благодарна ему. А кто бы не был?

Мур, Хернандес и Уортингтон, похоже, милостиво решили оставить разговор на спортивные темы и прошли мимо Уоллеса, практически не глядя на него, и направились в

глубь церкви с самыми серьезными выражениями на лицах. Не обратив никакого внимания на молодую женщину в костюме, они остановились рядом с Наоми и по очереди принесли ей свои соболезнования. Она кивнула каждому из них. Уоллес ждал, что она вот-вот разразится слезами – плотина явно была готова прорваться.

Потом партнеры постояли у гроба, низко склонив головы. Чувство неловкости, наполнявшее Уоллеса с того момента, как он обнаружил, что находится перед церковью, усилилось, стало еще более ужасным и неуместным. Вот он сидит в *задней* части церкви и смотрит на себя, лежащего в гробу, который стоит в *передней* ее части. Уоллес не считал себя красивым мужчиной. Он был слишком высоким, слишком нескладным, скулы резко выступали на бледном худом лице. Однажды на корпоративе по случаю Хеллоуина присутствующим там ребяташкам очень понравился его костюм, и один смелый отрок сказал, что он вылитый Мрачный Жнец, только косы не хватает.

Но на нем не было маскарадного костюма.

Он изучал себя с того места, на котором сидел, пока партнеры топтались вокруг гроба, и ужасное ощущение, что происходит нечто неправильное, грозило поглотить его. Тело было обряжено в один из его лучших костюмов – в двойку из шелковистой шерстяной ткани от Тома Форда. Он хорошо сидел на костлявом теле и подчеркивал зеленые глаза. Справедливости ради надо заметить, что сейчас костюм не

льстил ему – ведь его глаза были закрыты, а щеки так сильно нарумянены, что он казался скорее куртизанкой, чем высококлассным юристом. Лоб у него был странно бледным, а короткие темные волосы были зачесаны назад и влажно поблескивали в свете ламп.

Наконец партнеры сели на скамью по другую сторону прохода от Наоми, их глаза были сухи.

Открылась дверь, Уоллес повернулся и увидел священника (которого также не узнал, отчего снова почувствовал некий диссонанс, грузом лежащий на груди, и его снова посетило чувство неправильности происходящего). Священник прошел через притвор, одеяние на нем было столь же нелепым, как и церковь. Он пару раз моргнул, словно не мог поверить, что церковь почти пуста. Потом, оттянув рукав, посмотрел на часы, покачал головой и в конце концов одарил присутствующих тихой улыбкой. Мимо Уоллеса он прошел, не заметив его.

– Прекрасно, – сказал ему вслед Уоллес. – Уверен, ты чувствуешь себя большой шишкой. Ничего удивительного, что организованная религия находится в столь плачевном состоянии.

Священник остановился рядом с Наоми, взял ее руку в свою и мягко произнес банальные соболезнования: сказал, что очень сожалеет о ее потере, что пути Господни неисповедимы и что, хотя мы не всегда понимаем Его замысел, тем не менее он существует и эта смерть – часть его.

Наоми ответила:

– О, я не сомневаюсь в этом, святой отец. Но давайте опустим все это мумбо-юмбо и приступим к делу. Он должен быть похоронен через два часа, а я должна успеть на дневной рейс.

Уоллес закатил глаза.

– Боже, Наоми. А как насчет того, чтобы выказать хоть какое-то уважение? Ты же *в церкви*. – *А я мертв*, хотелось добавить ему, но он не сделал этого, потому что тогда происходящее стало бы реальностью, а оно никак не могло быть таковой. Не могло, и все тут.

Священник кивнул:

– Разумеется. – Он похлопал ее по руке и подошел к скамьям, на которых сидели партнеры. – Я сожалею о вашей потере. Пути Господни неисповедимы...

– Конечно, – сказал Мур.

– Совершенно неисповедимы, – согласился Хернандес.

– Ох уж это руководство и его планы, – подытожил Уор-
тингтон.

Женщина – незнакомка – фыркнула и покачала головой.

Уоллес посмотрел на нее.

Священник подошел к гробу и склонил голову.

Перед смертью Уоллес ощутил боль в руке, жжение в груди и яростные позывы тошноты. На какую-то секунду он почти убедил себя, что это последствия чили, съеденного предыдущим вечером. Но потом он оказался вдруг на полу

своего кабинета, на персидском ковре, на который потратил кучу денег. Он лежал на нем, пытался вдохнуть и слушал, как в коридоре журчит фонтан.

– Чертово чили, – удалось выговорить ему, и это были последние его слова. А потом он стоял *над* своим телом, и ему казалось, что он находится сразу в двух местах: смотрит на потолок и в то же самое время *вниз*, на себя. Очень скоро эта двойственность исчезла, и он остался с широко разинутым ртом, и единственным звуком, выходящим из его горла, было тихое шипение, будто сдувался воздушный шарик.

И это было хорошо, потому что он всего лишь упал в обморок! Вот и все. Это всего лишь изжога и потребность поспать на полу. Такое рано или поздно может случиться с каждым. В последнее время он слишком много работал. Что не могло не сказаться на его самочувствии.

Придя к такому мнению, он перестал очень уж расстраиваться из-за того, что на нем спортивный костюм, шлепанцы и старая футболка, в то время как он находится в церкви на собственных похоронах. Вообще-то он не любил «Роллинг Стоунз». И понятия не имел, откуда у него взялась эта майка.

Священник прочистил горло и посмотрел на немногочисленных собравшихся. Он начал:

– Библия учит нас, что...

– О, ради всего святого, – пробормотал Уоллес.

Незнакомка поперхнулась.

Уоллес дернул головой.

Священник продолжал бубнить.

Женщина приложила руку ко рту, словно пыталась проглотить смешок. Уоллес рассердился. Если она находит его смерть чем-то забавным, то какого черта явилась сюда?

А может...

Нет, этого не может быть, верно?

Он стал разглядывать ее, пытаясь понять, кто же все-таки она такая.

Что, если она была его клиенткой?

Что, если он, занимаясь ее делом, получил далеко не лучший результат?

Может, это был коллективный иск? И ей досталось меньше денег, чем она надеялась? Начиная работать с новым клиентом, он всегда обещал добиться справедливости и огромной денежной компенсации. Его имя произносили шепотом и с большим почтением в освященных традициями судебных залах. Он был безжалостной акулой, и каждый, кто вставал у него на пути, оказывался поверженным на лопатки, так и не поняв, что, собственно, произошло.

Но, может, все обстояло еще круче.

Может, их первоначальные отношения, обычные для адвоката и клиентки, переросли во что-то интимное? Может, она запала на него, очарованная его дорогими костюмами и способностью заморозить всех в зале суда. И сказала себе, что Уоллес Прайс будет ее и ничьим больше. Она преследовала его, стояла ночью под его окнами, смотрела, как он

спит (то обстоятельство, что его квартира находилась на пятнадцатом этаже, не развеяло это видение; он знал, что она взобралась по стене дома к его балкону). И когда он был на работе, она проникла в его квартиру и, прикинув к его подушке, вдыхала его запах и мечтала о том дне, когда станет миссис Уоллес Прайс. А затем, возможно, он невзначай отверг ее, и любовь, которую она испытывала к нему, обернулась черной ненавистью.

Вот как-то так.

Это все объясняло. Ведь прецедент уже был, верно? Патрисия Райан *тоже*, видимо, была одержима им, судя по ее достойной порицания реакции на увольнение. Вероятно, они были в сговоре, и когда Уоллес сделал то, что сделал, они... что? Объединились, чтобы... Подождите. О'кей. Что-то тут не сходится, но *все же*.

– ...А теперь я хочу дать всем, кто хочет сказать несколько слов о нашем дорогом Уоллесе, такую возможность, – безмятежно улыбнулся священник. И когда никто не вызвался сделать это, его улыбка слегка померкла. – Ну хоть кто-нибудь.

Партнеры опустили головы.

Наоми вздохнула.

Очевидно, они были сломлены горем и не могли найти нужных слов, чтобы обрисовать достойно прожитую жизнь. И Уоллес не винил их в этом. Ну как можно в двух словах дать представление о том, чем он был? Успешный, умный,

трудяга, почти трудоголик и много чего еще. Разумеется, они не спешили высказаться.

– Встаньте, – пробормотал он, глядя на людей перед ним. – Встаньте и скажите обо мне что-нибудь хорошее. Сейчас же. *Приказываю* вам.

Тут встала Наоми, и у него перехватило дыхание.

– Сработало! – пылко прошептал он. – Да. Да.

Священник кивнул и посторонился, давая ей место на возвышении. Наоми довольно долго смотрела на тело Уоллеса, и он увидел, что ее лицо перекосилось, словно она вот-вот заплачет. Наконец-то.

Наконец кто-то готов был выразить хоть какие эмоции. Он гадал, бросится ли она на гроб, требуя ответа на вопрос, почему, почему, *почему* жизнь так несправедлива, и, Уоллес, я всегда любила тебя, даже когда спала с садовником. Ну ты знаешь, тем самым, который не надевал рубашку во время работы, солнце сияло на его широких плечах, пот стекал по его точеным брюшным мускулам, словно он был чертовой греческой статуей, и ты тоже притворялся, что не смотришь на него, но мы оба знали, что это ложь, потому что нам с тобой нравились одни и те же мужчины.

Она не заплакала.

А просто чихнула.

– Простите, – сказала она, вытирая нос. – Долго сдерживалась.

Уоллес вжался в скамью. Этот казус плохо сказался на

нем.

Она встала рядом со священником. И начала:

– Уоллес Прайс был... определенно жив. А теперь уже нет. И, хоть убей, я не могу сказать, что это ужасно. Он не был хорошим человеком.

– О, Господи, – пробормотал священник.

Наоми проигнорировала его бормотание.

– Он был упрямым, легкомысленным и думал только о себе. Я могла выйти замуж за Билла Николсона, но вместо этого взяла билет на «Экспресс Уоллеса Прайса», направившийся в сторону пропущенных обедов, забытых дней рождения и годовщин и отвратительной привычки оставлять остриженные ногти на полу ванной. Ну почему он так поступал? Ведь мусорка стояла *прямо рядом*. Почему ты не мог выбросить эти отвратительные обрезки?

– Ужасно, – сказал Мур.

– Точно так, – согласился Хернандес.

– Разве трудно было сделать это? – спросил Уортингтон.

– Подождите, – громко обратился к ним Уоллес. – Вы ведете себя неправильно. Вам положено *горевать* и, утирая слезы, вещать о том, чего во мне вам теперь не хватает. Ну какие же это похороны?

Но Наоми не слушала. Да и была ли она способна услышать его?

– Узнав о его смерти, я несколько дней пыталась вспомнить какой-нибудь эпизод из нашей жизни, который не вы-

звал бы у меня сожаления, или апатии, или жгучей ярости – будто я стою на поверхности Солнца. У меня ушло на это немало времени, но все же я вспомнила нечто хорошее. Однажды, когда я болела, Уоллес принес мне чашку бульона. Я поблагодарила его. А потом он ушел на работу. И я не видела его целую неделю.

– Да что же это такое? – возмутился Уоллес. – Ты *издеваешься* надо мной?

Выражение лица Наоми посуровело.

– Знаю, когда кто-нибудь умирает, мы должны вести себя соответственно, но я здесь для того, чтобы сказать вам: все это чушь собачья. Простите, святой отец.

Священник кивнул:

– Все в порядке, дитя мое. Вы скажите все, что у вас на душе. Господь не...

– Сказать, что он больше думал о работе, чем о создании семьи, – значит ничего не сказать. Я отметила в его рабочем календаре дни своей овуляции. И знаете, что он сделал? Прислал мне открытку: ПОЗДРАВЛЯЮ С ПОЛУЧЕНИЕМ ДИПЛОМА.

– Все не можешь забыть, да? – громко спросил Уоллес. – Как там твоя терапия, Наоми? Похоже, тебе стоит потребовать деньги назад.

– Вот черт! – буркнула сидящая на скамье женщина.

Уоллес взглянул на нее.

– Хотите что-нибудь добавить? Знаю, я хорошая добыча,

но вы не имели права убивать меня только потому, что я не любил вас.

Остается только вообразить, какой звук он издал, когда женщина посмотрела прямо на него и к тому же довольно громко сказала:

– Не-а. Ты не мой тип, а убивать нехорошо, разве не знаешь?

Уоллес чуть не свалился со скамьи, а Наоми тем временем продолжала оговаривать его в доме Господнем, словно странная женщина не раскрывала рта. Он схватился за спинку, так что его ногти вонзились в дерево, и посмотрел на женщину выпученными от изумления глазами.

Она улыбнулась и изогнула брови.

Уоллес попытался вновь обрести способность говорить.

– Ты... вы видите меня?

Она кивнула, повернувшись на скамье и положив локоть на спинку.

– Вижу.

Он задрожал, так крепко вцепившись в скамью, что испугался, что ногти у него потрескаются.

– Как. Что. Я не... *Что?*

– Знаю, ты в смятении, Уоллес, и, возможно...

– Я не говорил вам, как меня зовут! – почти выкрикнул он, безуспешно стараясь прогнать дрожь из своего голоса.

Она фыркнула:

– Возле алтаря висит табличка с твоей фотографией и

именем.

– Это не... – Что? Чем именно «это» не являлось? Он выпрямился. Ноги не вполне слушались его. – К черту табличку. Что вообще здесь происходит?

Женщина улыбнулась:

– Ты помер.

Он расхохотался. Да, он видел свое тело в гробу, но это совершенно ничего не значило. Это какая-то ошибка. Он перестал смеяться, поняв, что женщина не собирается присоединиться к нему.

– Что? – безжизненно повторил он.

– Ты мертв, Уоллес. – Она наморщила лоб. – Держись. А я попытаюсь вспомнить, в чем там было дело. Это мой, можно сказать, дебют, и я немного нервничаю. – Ее лицо просветлело. – Ах да! Сердечный приступ.

И тут он понял, что происходящее не имеет никакого отношения к действительности. Сердечный приступ? Чепуха на постном масле. Он никогда не курил, ел только здоровую пищу и делал зарядку, если вспоминал о ней. Во время его последнего визита к доктору тот сказал, что, хотя давление у него слегка повышенное, все остальное, похоже, в полном порядке. Он не мог умереть от сердечного приступа. Не мог, и все тут. Так он ей и сказал.

– Угууууу, – медленно протянула она, словно *он* был идиотом. – Ненавижу сообщать неприятные новости, чувак, но так оно и было.

– Нет, – покачал он головой. – Я бы знал, если... Я бы почувствовал... – Почувствовал что? Боль в руке? Трепыхание в груди? То, как он судорожно и безрезультатно пытался глотнуть воздуха?

Она пожала плечами.

– Ну, что-то вроде этого. – Она встала со скамьи и направилась к нему. Он вздрогнул. Она оказалась ниже ростом, чем ему это представлялось, ее макушка, вероятно, едва доходила ему до подбородка. Он попытался как можно дальше отстраниться от нее, но у него это плохо получилось.

Наоми тем временем вещала о путешествии на Поконос, которое они, оказывается, совершили («Он не отрывался от телефона. А это был наш медовый месяц!»). Незнакомка же села на одну с ним скамью на некотором расстоянии от него. Она была даже моложе, чем он поначалу подумал – ей было лет двадцать пять, – и это осложняло дело. Цвет лица у нее был чуть темнее, чем у него, на губах играла тень улыбки, обнажающей мелкие зубы. Побарабанив пальцами по спинке скамьи, она снова посмотрела на него.

– Уоллес Прайс. Меня зовут Мэй Ин, но ты можешь называть меня просто Мэй, как месяц, только немного иначе пишется и произносится. Я здесь для того, чтобы отвести тебя домой.

Он ошарашенно воззрился на нее.

– Хм. Вот уж не думала, что мои слова лишат тебя дара речи. Но начать надо с этого.

– Я никуда с тобой не поеду, – проговорил он сквозь стиснутые зубы. – Я тебя не знаю.

– Надеюсь, так оно и есть. Было бы очень странно, если бы знал. – Она над чем-то поразмышляла. – По крайней мере, страннее. – Она кивнула в направлении алтаря. – Хороший гроб, кстати говоря. Вроде как не из дешевых.

Он ощетинился:

– Конечно. Только самое лучшее для...

– О, тут не может быть никаких сомнений. И все же. Довольно стремно смотреть на собственное тело в нем, верно? Хотя выглядит оно весьма и весьма прилично. Немного худощаво, на мой взгляд, но о вкусах не спорят.

Он опять рассердился:

– Должен сказать, мне вполне подходит мое худощавое... Нет. Я не позволю запудрить мне мозги! Требую, чтобы ты объяснила, что происходит.

– О'кей, – спокойно согласилась она. – Я так и сделаю. Понимаю, это может оказаться трудным для понимания, но у тебя отказало сердце и ты умер. Было произведено вскрытие, и оказалось, что у тебя была непроходимость коронарных артерий. Могу показать тебе Y-образный разрез, если желаешь, хотя и не советую смотреть на такое. Он довольно устрашающ. Тебе известно, что иногда при вскрытии вынутые органы помещают обратно в пакете с опилками? – с воодушевлением поведала она. – О, и я твой Жнец – пришла сюда, чтобы отвести тебя куда следует. – А затем, словно

происходящее и без того не было донельзя странным, сделала джазовые ручки: – Та-да.

– Жнец, – ошарашенно повторил он. – А кто это... такой?

– Это я, – ответила она, придвигаясь к нему. – Твоя смерть. Умерший не сразу способен разобраться, что к чему. Ему трудно понять, что происходит, и он пугается.

– Я не пугаюсь! – Это была ложь. Ему было страшно, как никогда в жизни.

– О'кей, – кивнула она. – Значит, ты не боишься. Это хорошо. Но это самое настоящее испытание для кого бы то ни было. Совершающему переход требуется помощь. И тут на сцене появляюсь я. Я здесь для того, чтобы этот переход был осуществлен как можно более гладко. – Она немного помолчала. И продолжила: – Вот как обстоят дела. Кажется, я ничего не забыла. Мне пришлось *очень много* чего выучить, чтобы получить эту работу, и я могла упустить те или иные детали, но суть я передала верно.

Он смотрел на нее с широко открытым ртом. И едва слышал вопли Наоми, обзывающей его эгоистичным ублюдком без малейших признаков рефлексии.

– Переход.

Мэй снова кивнула.

Ему не нравилось это слово.

– Переход *куда?*

Она улыбнулась:

– Всеу свое время, чувак. – Она подняла руку, обратив к

нему ладонь. Затем соединила кончики большого и среднего пальцев и щелкнула ими.

Нежаркое весеннее солнце светило ему в лицо.

Он сделал шаг назад, споткнулся и дико огляделся.

Кладбище. Они были на кладбище.

– Прошу прощения, – сказала Мэй, появившись рядом. – Я еще не наловчилась. – Она нахмурилась: – Ведь я в этом деле новичок.

– Что происходит?! – визгливо завопил он.

– Тебя хоронят, – ободрила его она. – Не паникуй. Тебе захочется посмотреть на эту процедуру. И это зрелище развеет все оставшиеся у тебя сомнения. – Она схватила его за руку и потащила за собой. Он зацепился ногой за другую свою ногу, но ему удалось удержаться в вертикальном положении. Шлепанцы хлопали по пяткам, пока он старался не отстать. Они петляли между надгробиями под уличный шум; нетерпеливые водители такси громко сигналили и выкрикивали ругательства в открытые окна. Он попытался высвободиться из хватки Мэй, но та держала его крепко. Она была сильнее, чем казалась.

– Вот мы и пришли, – наконец сказала она, останавливаясь. – Как раз вовремя.

Он посмотрел поверх ее плеча. Здесь была Наоми, а также партнеры, все они стояли вокруг свежевырытой прямоугольной ямы. Дорогой гроб опускали в землю. Никто не плакал. Уортингтон часто посматривал на часы и театрально взды-

хал. Наоми трепалась по телефону. Больше всего Уоллеса потрясло отсутствие могильного камня.

– Где табличка? На ней должно быть мое имя. Дата рождения. Вдохновенные слова о том, что я жил на полную катушку.

– А что, это правда? – спросила Мэй. Было непохоже, что она подсмеивается над ним, просто ей было интересно.

Он вырвал руку из ее руки и вызывающе сложил руки на груди.

– Да.

– Супер. А могильные камни устанавливают не сразу. Их надо выточить и все такое. Это долгое дело. Не волнуйся по этому поводу. Посмотри. Началось. Помаша себе на прощание!

Он не стал махать.

А Мэй помахала, покачав пальцами влево-вправо.

– Как мы здесь очутились? – недоумевал он. – Мы же только что были в церкви.

– Ты очень наблюдательный. Это хорошо, Уоллес. Мы *действительно* только что были в церкви. Я горжусь тобой. Я намеренно пропустила пару моментов. Нам нужно быстрее идти вперед. – Она состроила гримаску. – Это моя вина. Не пойми меня неправильно, я этого не хотела, но получилось так, что я добралась до тебя с *небольшим* опозданием. Я впервые работаю самостоятельно и потому немного оплошала. И случайно оказалась в неправильном месте. – Она бла-

женно улыбнулась. – Ну что, без обид?

– Еще чего, – прорычал он.

– О! Какая досада! Прошу прощения. Обещаю, это не повторится. Я наберусь опыта и все такое. Надеюсь все же, ты выставишь мне десятку в опросной анкете. Это очень много значит для меня.

Он понятия не имел, о чем она толкует. Он почти убедил себя, что она безумна и является плодом его фантазии.

– Прошло три дня!

Она ответила ему ослепительной улыбкой:

– Точно! И это сильно облегчает мне работу. Хьюго будет ужасно доволен мной. Очень хочется рассказать ему обо всем как можно скорее.

– И кто, черт побери, этот...

– Подожди. Это один из самых любимых моих моментов.

Он посмотрел, куда она показывала. Партнеры выстроились в ряд, за ними маячила Наоми. Он смотрел, как они, один за другим, наклоняются, берут пригоршни земли и бросают в могилу. От звуков ударов земли о крышку гроба у Уоллеса задрожали руки. Теперь у могилы стояла Наоми. На ее лице промелькнуло и тут же исчезло какое-то странное выражение. Она покачала головой, бросила землю и развернулась. И он увидел свою бывшую жену в последний раз – она спешила к поджидавшему ее такси, на ее волосах играло солнце.

– Вот все и возвращается к тому, с чего началось, – ска-

зала Мэй. – Полный цикл. Из праха мы созданы, в прах и обратимся. Это очень красиво, если вдуматься.

– Что происходит? – шепотом спросил он.

Мэй коснулась его руки. Ее кожа была прохладной, прикосновение не было неприятным.

– Тебе нужно, чтобы я тебя обняла? Я могу сделать это, если хочешь.

Он отдернул руку:

– Не нужно меня обнимать.

Она кивнула:

– Границы. Понимаю. Уважаю. Обещаю не заключать тебя в объятия без твоего на то согласия.

Однажды, когда Уоллесу было семь лет, родители взяли его на океанское побережье. Он стоял в воде во время прилива и смотрел, как между пальцами ног просачивается песок. Странное ощущение поднималось по ногам к желудку. Он тонул, а сочетание вихрящегося песка и белой вспененной воды усиливало впечатление. Все это напугало его, и он отказывался с тех пор входить в океан, хотя родители умоляли его об этом.

Именно такое чувство Уоллес Прайс испытывал и сейчас. Может, причиной того стал стук земли о гроб. А может, то, что его фотография красовалась рядом с открытой могилой, а под фотографией стоял погребальный венок. На ней он сдержанно улыбался. Его волосы были идеально уложены и зачесаны направо. Глаза были яркими. Наоми как-то сказа-

ла ему, что он напоминает ей пугало из страны Оз. Если бы только у тебя были мозги, посетовала она. Это случилось во время одного из судебных заседаний по поводу их развода, и он расценил ее слова как стремление уязвить его.

Он тяжело сел на землю и опустил пальцы ног в траву. Мэй устроилась рядом, поджав под себя ноги. Она сорвала одуванчик и поднесла к его губам.

– Загадай желание, – сказала она.

Он не стал загадывать желание.

Она вздохнула и дунула на одуванчик сама. Его семена образовали белое облачко, облачко подхватил ветерок, и оно рассеялось вокруг могилы.

– Тебе нелегко с этим свыкнуться, я знаю.

– Правда? – пробормотал он, спрятав лицо в ладони.

– Не по собственному опыту, – признала она. – Но представление имею.

Он посмотрел на нее, прищурился.

– Ты же говорила, что делаешь это в первый раз.

– Так оно и есть. Впервые я работаю в одиночку. Но я прошла обучение и добилась значительных успехов. Кстати, тебе нужно сочувствие? Я это умею. А может, тебе хочется ударить по чему-нибудь, потому что ты зол на весь мир? Я помогу тебе и с этим. Только меня не бей. Можно, например, поколотить стену. – Она пожала плечами. – Или мы можем посидеть здесь и дожждаться, когда приедет маленький бульдозер и забросает твое прежнее тело землей, и все будет

окончено. Выбирай.

Он посмотрел на нее.

Она кивнула:

– Верно. Я могла выразиться и получше. Прости. Я все еще учусь.

– А что?.. – Он попытался проглотить вставший в горле ком. – Что все-таки происходит?

Она сказала:

– Происходит то, что ты прожил жизнь. Ты делал, что делал, а теперь она закончилась. По крайней мере, часть ее. И когда ты будешь готов уйти отсюда, я отведу тебя к Хьюго. И он все тебе объяснит.

– Уйти, – пробормотал он. – К Хьюго.

Она покачала головой:

– Ну да, в каком-то смысле это так. Потому что он – перевозчик.

– Кто-кто?

– Первозчик, – повторила она. – Он поможет тебе осуществить переход.

Его мозг лихорадочно работал, не в силах сосредоточиться на чем-либо. Все это было слишком сложно для понимания.

– Но я думал, это ты должна...

– Ах. Я тебе нравлюсь. Мне очень приятно. – Она рассмеялась. – Но я всего лишь Жнец, Уоллес. Моя задача – доставить тебя перевозчику. А он уж сделает все остальное. Сам

увидишь. Когда мы окажемся там, все станет просто. Хьюго именно так воздействует на людей. Он все тебе объяснит еще до перехода. Даст ответы на беспокоящие тебя вопросы.

– Переход, – глухо проговорил Уоллес. – Куда?

Мэй наклонила голову:

– Ну, к следующему этапу.

– На небеса? – Он сильно побледнел, его пронзила ужасная мысль. – В ад?

Она пожала плечами:

– Ну конечно.

– Это ничего не объясняет.

Она сказала со смехом:

– Знаю. Но все это так весело. Вот я и веселюсь. А ты?

Нет, ему было не до веселья.

* * *

Она не торопила его. Они оставались на том же самом месте, даже когда на небе начали проступать розовые и оранжевые полосы – мартовское солнце медленно клонилось к горизонту. Они по-прежнему сидели там, когда приехал обещанный бульдозер. Им ловко управляла женщина с зажатой в зубах сигаретой, дым она выдыхала через нос. Яма была засыпана быстрее, чем ожидал Уоллес. К тому времени, как женщина закончила с этим, начали появляться первые звезды, в загрязненном небе над городом они казались блеклы-

ми.

Такие вот дела.

От Уоллеса Прайса остались лишь горка земли и тело, годившееся исключительно на корм червям. Это был совершенно опустошающий опыт. Уоллес никак не ожидал, что все будет вот так. Странно, подумал он. Очень и очень странно.

Он взглянул на Мэй.

Она улыбнулась ему.

Он сказал:

– Я... – И не смог сообразить, как закончить фразу.

Она коснулась его руки.

– Да, Уоллес. Все это взаправду.

И – о, чудо из чудес – он поверил ей.

Она сказала:

– Тебе хочется познакомиться с Хьюго?

Нет. Ему не хотелось знакомиться с ним. Хотелось убежать. Хотелось кричать. Хотелось негодующе вздеть кулаки к звездам и прореветь о всеобщей несправедливости. У него были планы. У него были цели. Столь многое оставалось несделанным, а теперь он никогда... он не сможет...

Он вздрогнул, почувствовав, что у него по щеке катится слеза.

– У меня есть выбор?

– В жизни? Всегда.

– А в смерти?

Она пожала плечами:

– Смерть немного более... регламентирована. Но это ради твоей же пользы. Клянусь, – быстро добавила она. – То, что все происходит именно так, не случайно. Хьюго все объяснит. Он очень крутой парень. Сам увидишь.

Но лучше ему не стало.

И все же, когда она встала и протянула ему руку, он секунду-другую смотрел на эту руку, а потом взял ее в свою и позволил помочь ему подняться.

Он обратил лицо к небу. Вдохнул и выдохнул.

Мэй сказала:

– Возможно, ощущение будет странным, потому что в этот раз мы переместимся на большее расстояние. Все закончится раньше, чем ты поймешь это.

И не успел он отреагировать на ее слова, как она снова щелкнула пальцами, и за этим последовал мощный взрыв.

Глава 3

Когда они приземлялись на мощеную дорогу в чаще леса, Уоллес пронзительно кричал. Воздух был холодным, но, хотя он кричал без передышки, из его рта не вылетало облачко пара. Все казалось неправильным. С какой стати ему холодно, если он уже умер? Он действительно дышит или... Нет. Нет. Надо сосредоточиться. Сосредоточиться на том, что происходит сейчас. Не все сразу.

– Ты в порядке? – спросила у него Мэй.

Он понял, что все еще кричит, и закрыл рот, больно прикусив язык. Что, разумеется, еще больше вывело его из равновесия. Разве он способен чувствовать *боль*?

– Нет, – пробормотал он и отпрянул от Мэй, его мысли перепутались, образовав огромный клубок. – Нельзя просто так взять и...

И тут на него налетела машина.

Подождите.

Машина должна была сбить его. Она была совсем близко, фары у нее горели. Он успел закрыть лицо руками, но машина проехала *сквозь* него. Краешком глаза он увидел, как в нескольких дюймах от его лица пронеслось лицо водителя. Но он ничего при этом не почувствовал.

Машина помчалась дальше и, сверкнув задними фарами, скрылась за поворотом.

Он застыл на месте, его руки были вытянуты вперед, одна нога поднята, бедро прижато к животу.

Мэй громко расхохоталась:

– Ох, чувак. Видел бы ты себя со стороны. О боже, это было потрясающе!

Он медленно опустил ногу, почти уверенный в том, что сейчас провалится сквозь землю. Этого не произошло. Его ноги стояли на земле твердо. Но он не мог унять охватившую его дрожь.

– Как. Что. Почему. Что. *Что?*

Мэй, продолжая хихикать, вытерла слезы.

– Виновата. Мне нужно было предупредить тебя, что такое может случиться. – Она покачала головой и неуверенно спросила: – Однако все обошлось, верно? Я хочу сказать: очень здорово, что тебя теперь не может сбить машина.

– Ты считаешь, *это* важно? – недоверчиво спросил он.

– Этого совсем не мало, если хорошенько подумать.

– А я *не хочу* думать об этом, – выпалил он. – Не хочу думать ни о чем таком!

Она неизвестно почему сказала:

– Хотеть не запрещается.

И пошла по дороге. Он смотрел ей в спину.

– Это *ничего* не объясняет.

– Только потому, что ты упрям как осел. Взбодрись, чувак!

Он пошел за ней, не желая оставаться один в этой глухомани. И увидел впереди, на некотором расстоянии от них, огни, по всей видимости, небольшой деревни. Местность была ему незнакома. Мэй тем временем тараторила со скоростью миля в минуту, и у него не получалось вставить хоть слово.

– Он не приверженец этикета, так что можешь не беспокоиться о том, как себя вести. И не называй его мистером Фриманом, он этого терпеть не может. Для всех он просто Хьюго, о'кей? И перестань так сильно хмуриться. Хотя это на твое усмотрение. Я не буду навязывать тебе линию поведения. Он знает, что ты... – Она закашлялась. – Ну, ему известно, что все непросто, и потому ни о чем не волнуйся. Задай все вопросы, на которые хочешь получить ответы. Для этого мы сюда и пришли. – А потом: – Ты уже видишь эту штуку?

Он собрался было спросить, о чем, черт побери, она говорит, но тут она кивком указала на его грудь. Он сердито посмотрел вниз.

И вместо того чтобы ответить что-нибудь язвительное, закричал от ужаса.

Из груди у него торчала изогнутая железяка, очень похожая на рыболовный крючок размером с его ладонь. Она была серебристого цвета и слегка поблескивала. Боли он не чувствовал, хотя казалось, она должна была быть очень сильной. К другому концу железяки был привязан... трос? Он, казалось, был пластиковым и неярко светился. Трос лежал на дороге перед ними и уходил вдаль. Он хотел похлопать себя по груди, чтобы выбить крюк, но его руки провалились в никуда. Свет, излучаемый тросом, стал ярче, крюк завибрировал, и он почувствовал облегчение, которого не ждал, ведь его грудь была пронзена непонятно чем.

– Что это? – крикнул он, продолжая хлопать себя по груди. – Вынь его. *Вынь!*

– Не-а, – ответила Мэй, хватая его за руки. – Так будет лучше, поверь мне. Это не больно. Я не вижу его, но, судя по твоей реакции, он точно такой же, как и все другие. Не волнуйся. Хьюго все тебе объяснит, обещаю.

– Да что же это такое? – продолжал сердиться он, кожу у него покалывало. Он посмотрел на лежащий на дороге трос.

– Связь. – Она стукнула его по плечу. – Это твоя страховка. Она приведет тебя к Хьюго. Он знает, что мы уже рядом. Вперед. Не могу дождаться вашей с ним встречи.

В деревне было спокойно. Похоже, здесь имелась всего одна широкая улица, проходившая через ее центральную часть. Машины не гудели, на обочинах не толпились люди. Мимо проехали два автомобиля (Уоллес отпрыгнул в сторону, не желая еще раз пережить только что случившееся), но в остальном все было тихо. Магазины уже закрылись, витрины были темными, таблички на дверях обещали, что утром все снова откроется. Над тротуарами простирались магазинные навесы, они были яркими – красными, и зелеными, и синими, и оранжевыми.

По обе стороны улицы стояли фонари, их свет был теплым и мягким. Улица была вымощена булыжником. Мимо проехали на велосипедах ребяташки, и Уоллес посторонился. Они не обратили на него и Мэй никакого внимания. Они смеялись и кричали, к рамам велосипедов были прикреплены прищепками картонки, издававшие треск при движении, дыхание детей висело облачками в воздухе. Уоллес почувствовал легкий укол зависти. Они были свободны, как он не был свободен уже долгое время. Он не мог выразить это ощущение словами. А потом оно пропало, он казался себе опустошенным и дрожал.

– Это место настоящее? – спросил он, чувствуя, что крюк у него в груди стал теплее. Трос не ослабевал по мере того,

как они шли дальше. Уоллес боялся, что будет спотыкаться о него, но он по-прежнему был туго натянут.

Мэй подняла на него глаза:

– Что ты имеешь в виду?

Он и сам толком не знал этого.

– Все здесь... мертвы?

– О. Ага, нет. Я поняла тебя. Да, оно настоящее. Нет, они не мертвы. Думаю, здесь все так же, как и везде. Нам пришлось забраться довольно далеко, но ты мог бы доехать сюда сам, если бы решил выбраться за город. Хотя непохоже, что ты часто делал это.

– Я был слишком занят, – пробормотал он.

– Теперь у тебя уйма времени, – сказала Мэй, и его поразило, насколько это верно. Трос, привязанный к крюку в его груди, натянулся еще сильнее, Уоллес усиленно заморгал из-за внезапного жжения в глазах. Мэй неторопливо шла вперед, то и дело оглядываясь, чтобы удостовериться: он следует за ней.

И он следовал, но только потому, что не хотел остаться в одиночестве в незнакомом ему месте. Дома, только что казавшиеся почти красивыми, теперь словно зловеще надвигались на него, темные окна походили на глаза мертвецов. Он смотрел на свои ноги и сосредоточенно ставил одну впереди другой. Поле его зрения стало сужаться, по коже побежали мурашки. Крюк в груди беспокоил все больше и больше.

Никогда еще ему не было так страшно.

– Эй, – услышал он голос Мэй и, открыв глаза, обнаружил, что весь скрючился, обхватив руками живот, а пальцы так сильно впились в кожу, что на ней наверняка останутся синяки. Если такое в принципе возможно. – Все в порядке, Уоллес. Я здесь.

– Это радует, – с трудом проговорил он.

– Мы можем остановиться на минуту и посидеть, если тебе это нужно. Я не буду торопить тебя.

Он сам не знал, что ему нужно. Не мог мыслить здраво. Он попытался взять себя в руки, мысленно опереться на что-либо. И когда ему это удалось, в нем словно призрак всколыхнулось забытое воспоминание.

Ему девять лет, отец попросил его прийти в гостиную. Он только что вернулся домой из школы и делал на кухне бутерброд с арахисовым маслом и бананом. Он замер на месте, гадая, в чем мог провиниться. Да, он выкурил сигарету за трибунами на стадионе, но с тех пор прошло уже несколько недель, да и родители никак не могли узнать об этом, если только им кто-то не наябедничал.

Он положил бутерброд на стол, перебирая в голове возможные извинения вроде *Я больше не буду* и *Клянусь, я сделал это всего один раз*.

Родители сидели на диване, и он похолодел, увидев, что мать плачет, хотя, казалось, и пытается справиться с собой. На щеках у нее виднелись следы слез, она комкала в руке бумажную салфетку. Из носу у нее текло, и хотя она попыта-

лась улыбнуться ему, ее плечи дрожали. До этого он видел ее плачущей только раз, когда она смотрела какой-то фильм, в котором собака преодолевала несусветные трудности (иглы дикобраза) ради того, чтобы воссоединиться с хозяином.

– Что случилось? – спросил он, не понимая, как себя вести. Он знал, как можно утешить человека, но никогда еще этого не делал. В их семье не было принято открыто выражать свои чувства. В лучшем случае, если они были довольны им, отец мог пожать ему руку, а мать легонько стиснуть плечо. Так уж у них повелось.

Отец сказал:

– Умер твой дедушка.

– О, – выдохнул Уоллес, у него внезапно зачесалось все тело.

– Ты понимаешь, что такое смерть?

Нет-нет, он этого не понимал. Он знал, что это такое, знал, что значит это слово, но смерть представлялась ему чем-то туманным, она могла настичь только других, очень далеких ему людей. Уоллесу никогда не приходило в голову, что может умереть кто-то, знакомый ему. Дедушка жил в четырех часах езды от них, в его доме всегда пахло кислым молоком. Он любил мастерить всякие штуки из банок из-под пива: самолеты с пропеллерами, которые действительно могли летать, котят, которых подвешивали к козырьку над крыльцом.

И поскольку Уоллес столкнулся с понятием, еще не до-

ступным его разумению, с его губ сорвалось:

– Его кто-то убил?

Дедушка любил рассказывать о том, как он сражался на войне (Уоллес не знал, на какой именно, потому что не умел задавать уточняющие вопросы), и пользовался при этом такими словами, что мама Уоллеса начинала кричать на него, зажимая при этом Уоллесу уши, а потом говорила своему единственному сыну, чтобы он *никогда* не повторял их, потому что они ужасно расистские. Так что, если дедушку убили, он вполне мог понять это. Это имело бы глубокий смысл.

– Нет, Уоллес, – выдавила из себя мать. – Все было не так. У него был рак. И потому он не мог больше жить. Все... все кончено.

И в эту минуту Уоллес Прайс решил – как это часто делают дети, бесстрашно и раз и навсегда, – что он никогда не допустит, чтобы такое случилось и с ним. Дедушка жил, а потом его не стало. Родители горевали о нем. Уоллес не любил горевать, не любил расстраиваться. Вот он и подавил в себе это чувство, засунул его в коробку и запер на ключ.

* * *

Он медленно моргнул, возвращаясь мыслями к настоящей-му. Он все еще в деревне. Все еще с этой женщиной.

Мэй села перед ним на корточки, ее галстук свесился между колен.

– Все хорошо?

Он, не решившись заговорить, кивнул, хотя ему было крайне далеко до хорошего самочувствия.

– Это нормально, – сказала она, постукивая пальцами по своему колену. – Такое случается со всеми. Не удивляйся, если это повторится. Тебе очень многое придется усвоить.

– Откуда тебе знать? – промямлил он. – Ты же говорила, я у тебя первый.

– Первый, с кем я имею дело *самостоятельно*, – поправила его она. – А до этого я много, больше ста часов, практиковалась. – Ты можешь стоять?

Нет, он этого не мог. Но все же стоял. Ноги плохо слушались его, и он слегка покачивался из стороны в сторону, но потом, собрав волю в кулак, умудрился встать прямо. Из груди по-прежнему торчал крюк, трос по-прежнему слабо светился. Ему почудилось вдруг, что кто-то легонько потянул за него, но полной уверенности в этом у него не было.

– Ну вот, другое дело, – обрадовалась Мэй и похлопала его по груди. – Ты хорошо справляешься, Уоллес.

Он взглянул на нее:

– Я не ребенок.

– О, я знаю. С детьми, если хочешь знать, работать гораздо проще. Проблемы обычно возникают со взрослыми.

Он не знал, что на это сказать, и потому не сказал ничего.

– Пошли, – сказала Мэй. – Хьюго ждет.

Скоро они добрались до края деревни. Дома кончились, извилистая дорога шла через хвойный лес, и запах елей напомнил Уоллесу о Рождестве, когда весь мир забывает – пусть ненадолго – о том, что жизнь может быть очень жестока.

Он хотел было спросить, долго ли им еще идти, но тут они вышли на проселочную дорогу за пределами деревни. У дороги был установлен деревянный указатель. Уоллес не мог разобрать в темноте, что на нем написано, пока не подошел ближе.

Буквы были высечены в дереве с предельной тщательностью:

ПЕРЕПРАВА ХАРОНА
ЧАЙ И ВЫПЕЧКА

– Харон? – удивился он. Никогда прежде ему не встречалось это слово.

– ХарОн, – медленно поправила его Мэй. – Это вроде как шутка. У Хьюго своеобразное чувство юмора.

– Я не понимаю смысла этой шутки.

Мэй вздохнула:

– Конечно не понимаешь. Но ты не волнуйся. Как только мы доберемся до чайной лавки, станет...

– Чайная лавка, – повторил за ней Уоллес, с пренебрежением глядя на указатель.

Мэй немного помолчала, а потом спросила:

– Вау, ты имеешь что-то против чая, чувак? Ему это не понравится.

– Я ничего не имею против чая. Но я думал, мы встретимся с Богом. Так с какой стати ему...

Мэй звонко рассмеялась:

– Что? Ты это о ком?

– О Хьюго, – смутился он. – Кем бы он ни был.

– Ни фига себе. Ох, чувак, мне не терпится рассказать ему об этом. – Но она тут же осеклась: – А может, я и не стану ничего ему говорить.

– Не понимаю, что здесь смешного.

– Вот что смешно. Хьюго не Бог, Уоллес. Он перевозчик. Я тебе уже говорила об этом. А Бог... идея Бога принадлежит человеку. Все это сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Что? – слабым голосом проговорил Уоллес. Он гадал, а может ли у него случиться второй сердечный приступ, если он мертв. И тут понял, что больше не чувствует своего сердцебиения, и им снова овладело желание свернуться в клубочек. Хоть он и считал себя агностиком, но никак не ожидал, что такое невероятное утверждение может быть высказано так просто.

– О нет. – Мэй схватила его за руку, дабы удостовериться,

что он твердо стоит на ногах. – Мы не станем укладываться здесь. Осталось совсем чуть-чуть. В доме нам будет удобнее.

Он позволил ей потащить себя дальше по дороге. Деревья здесь росли гуще, старые ели, касающиеся верхушками звездного неба, казались пальцами Земли. Уоллес не мог вспомнить, когда в последний раз был в лесу, тем более ночью. Он предпочитал никогда не умолкающие звуки большого города. Шум означал, что он не один, неважно, где он и с кем. А здесь стояла тишина, всеобъемлющая и тягостная.

Скоро дорога сделала поворот, и он увидел сквозь деревья теплые огни, словно его подзывал, подзывал, подзывал свет маяка. Казалось, его ноги едва касаются земли. Он подумал даже, что, возможно, летит, но не посмел посмотреть вниз, чтобы выяснить, так ли это.

Чем ближе они подходили к месту назначения, тем сильнее ему казалось, будто кто-то тянет его к себе. Это чувство не раздражало, но игнорировать его не получалось. Трос по-прежнему лежал на земле.

Он собрался было спросить Мэй, почему оно так, но тут уловил впереди на дороге какое-то движение. Он вздрогнул, представив, что из полного теней леса выползает чудовище с острыми когтями и горящими глазами. Но увидел всего лишь быстро идущую по дороге женщину. Чем ближе она подходила, тем лучше можно было разглядеть ее. Похоже, она была среднего возраста, ее губы образовывали тонкую линию, она старалась плотнее закутаться в пальто. Под гла-

зами у нее были мешки, казавшиеся татуировками на лице. Уоллес, сам не зная почему, ожидал, что они поздороваются друг с другом, но она прошла мимо, не взглянув в их сторону, светлые волосы летели ей вслед.

Мэй мельком посмотрела ей в лицо, но женщина помотала головой.

– Пошли скорее. Не надо заставлять его ждать дольше, чем уже заставили.

* * *

Он, прочитав слова на указателе, не понял, что их ждет. Он никогда не бывал в *чайной лавке*. Свой утренний кофе он покупал с тележки рядом с офисом. Он не был хипстером. Не стягивал длинные волосы в узел на макушке, не придерживался иронического стиля в одежде, пусть даже сейчас его прикид был довольно странным. Очки, в которых он читал, были дорогими и в то же время практичными. Он не мог представить, что когда-нибудь посетит заведение под названием «чайная лавка». Что за нелепая идея!

И потому он порядком удивился тому, что лавка выглядит как дом. Конечно, он не был похож на дома, виденные им до того, но тем не менее это был дом. С деревянным крыльцом с фасада, большими окнами по обе стороны от ярко-зеленой двери и льющим изнутри мерцающим светом – казалось, там горят свечи. На крыше возвышалась кирпичная труба,

из нее шел легкий дымок.

Но на этом сходство с прежде виденными Уоллесом домами заканчивалось. Отчасти потому, что трос, тянувшийся от крюка в его груди, исчезал в закрытой двери. Сквозь закрытую дверь.

Сам дом выглядел так, будто его начали строить в одном стиле, а потом строители решили вдруг пойти совершенно иным путем. Лучше всего, мнилось Уоллесу, можно было описать это так: дети громоздили один кубик на другой до тех пор, пока не получилась весьма непрочная башня. Казалось, ее способен обрушить легчайший ветерок. Печная труба покосилась, кирпичи торчали из нее под самыми невозможными углами. Нижний этаж дома казался прочным, но второй будто съехал в одну сторону, третий – в противоположную, *четвертый* располагался посередине, и в результате получилась башня с многочисленными окнами, задернутыми занавесками. Уоллесу почудилось, что одна занавеска шевельнулась, словно кто-то тайком смотрел в окно, но это, возможно, была просто игра света.

Снаружи дом был обшит досками.

Но еще и выложен кирпичом.

И... сырцом?

Одна стена была выстроена из бревен, словно на каком-то этапе строители хотели соорудить избушку. Эта избушка была родом из сказки, являлась подобием необычного, прячущегося в глубине леса сказочного домика. Возможно, в нем

жил добрый лесник или же ведьма, готовая испечь Уоллеса в печке, так что его кожа, почернев, потрескалась бы. Уоллес наслушался в свое время рассказов о всяких ужасах, творившихся в подобных домиках, – и все это ради Очень Важного Урока. И потому чувствовал он себя очень и очень неважно.

– Что это за место? – спросил Уоллес, когда они остановились у крыльца. Рядом с клумбой стоял небольшой зеленый скутер, цветы были невероятно яркими – желтыми, красными и белыми, но темнота приглушала их сияние.

– Потрясающе, правда? – сказала Мэй. – А внутри все еще более причудливо. Люди стекаются отовсюду, чтобы посмотреть на этот дом. По вполне понятным причинам он знаменит на всю округу.

Она хотела было взойти на крыльцо, но тут он выдернул свою руку из ее руки:

– Я не пойду внутрь.

Она оглянулась на него:

– Почему?

Он махнул рукой в сторону дома:

– Он не кажется мне безопасным, потому что построен не по правилам и может рухнуть в любой момент.

– Откуда тебе знать?

Он воззрился на нее:

– А разве ты сама не видишь? Я не желаю оказаться погребенным под развалинами, когда это произойдет. Это подсудное дело. А я знаю все о таких делах.

– Хм. – Мэй, как можно дальше запрокинув голову, окинула дом внимательным взглядом. – Но...

– Но что?

– Ты мертв. И потому неважно, рухнет он или нет.

– Это... – Он сам не знал, что собирался сказать.

– И кроме того, он всегда был таким, сколько я здесь живу.

И еще не упал. И вряд ли упадет сегодня.

Он вытаращил на нее глаза:

– Ты *живешь* здесь?

– Ну да. Это наш дом. Так что, может, проявишь хоть какое уважение? А о доме не беспокойся. Если бы мы все время беспокоились по пустякам, то упустили бы много чего важного.

– Тебе говорили, что ты любишь говорить афоризмами, словно печенье с предсказаниями? – съязвил Уоллес.

– Нет. Потому что намекать на то, что я азиатка, – это расизм.

Уоллес побледнел:

– Я... это не... я не хотел...

Она долго смотрела на него, позволяя бессвязно оправдываться, а потом наконец сказала:

– Ага. Ты не имел в виду ничего такого. Рада слышать это. Знаю, тебе все тут в новинку, но ты все же думай, прежде чем говорить, о'кей? Тем более что я одна из немногих, кто способен видеть тебя.

Она взошла на крыльцо, перешагивая сразу через две сту-

пеньки, и остановилась у двери. С потолка свисали длинные вьющиеся растения в горшках. В окне была табличка с надписью **ЗАКРЫТО НА СПЕЦОБСЛУЖИВАНИЕ**. На двери имелся старинный металлический молоток в форме листа дерева. Мэй подняла его и три раза постучала.

– Почему ты стучишь? Ты же живешь здесь, – удивился он.

Мэй посмотрела на него:

– Да, живу, но сегодня все не как обычно. Ты готов?

– Может, придем сюда позже?

Она улыбнулась, будто он насмешил ее, и Уоллес, хоть убей, не понял, что такого забавного он сказал.

– Нынешний момент ничуть не хуже любого другого. Просто нужно решиться на первый шаг. И ты способен сделать его, Уоллес. Знаю, трудно верить во что-то, особенно перед лицом неведомого. Но я верю в тебя. А ты хоть немного веришь мне?

– Я тебя совсем не знаю.

Она еле слышно промурлыкала:

– Разумеется, не знаешь. Но существует только один способ исправить это, верно?

– Стараешься заслужить свою десятку?

Она рассмеялась:

– Как и всегда. – И положила ладонь на дверную ручку: – Идешь?

Уоллес оглянулся на дорогу. Она была погружена в тем-

ноту. На небе светило больше звезд, чем он когда-либо видел. Он чувствовал себя маленьким, незначительным. И потерявшимся. О, как же основательно он потерялся.

– Первый шаг, – прошептал он себе под нос.

Он снова повернулся к дому. Сделал глубокий вдох и расправил грудь. Взбираясь по ступенькам, он не обращал внимания на то, как хлопают по ним его шлепанцы. Он способен сделать, что ему предназначено. Он Уоллес Финес Прайс. Люди ежились, услышав его имя. Стояли перед ним *в страхе*. Он был холоден и расчетлив. И все время делал круги по воде, словно акула. Он был...

...он споткнулся на последней, покосившейся ступеньке и чуть было не навернулся лицом вниз.

– Ага, – проговорила Мэй. – Осторожно тут. Прошу прощения. Нужно сказать Хьюго, пусть ее починят. Мне не хотелось бы, чтобы ты отвлекался от происходящего. Все это очень важно.

– Все это я ненавижу, – произнес Уоллес сквозь стиснутые зубы. Мэй распахнула дверь в «Переправу Харона. Чай и Выпечка». Петли скрипнули, и из дверного проема полился мягкий свет, сопровождаемый явственным запахом специй и трав: имбиря и корицы, мяты и кардамона. Он понятия не имел, как сумел определить, чем там пахнет, но как-то сумел. Помещение внутри не было похоже на офис, оно показалось ему более знакомым, чем его собственный дом, куда воздух попадал через кондиционер, где стоял запах чи-

стоящих средств, где все было металлическим и не оставалось места воображению, и хотя он ненавидел стоявшее там злование, но все же привык к нему. Оно обеспечивало безопасность. Оно было реальностью. Чем-то знакомым. Оно было *всем*, что он знал, с ужасом подумал он. И что это, скажите на милость, говорит о нем самом?

Трос, привязанный к крюку, опять завибрировал, таща его вперед.

Ему хотелось убежать как можно дальше – куда ноги способны унести его.

Но вместо этого Уоллес, которому теперь было нечего терять, вошел вслед за Мэй в дом.

Глава 4

Он ожидал, что внутри дом будет выглядеть так же, как и снаружи – мешаниной архитектурных наворотов, малопригодной для проживания и готовой развалиться.

И его ожидания оправдались.

Свет здесь был приглушенным, он исходил от разномастных светильников, привинченных к стенам, и от неприлично большой свечи на маленьком столике у двери. Со сводчатого потолка свисали растения в плетеных корзинках, и хотя ни одно из них не цвело, их запах поражал воображение и смешивался с сильным запахом пряностей, который, казалось, издавали даже стены. Вьющиеся растения доставали до полу, они тихо покачивались на легком ветерке, проникавшем через открытое окно в дальней стене. Уоллес потянулся было к одному из них, внезапно загоревшись желанием ощу-

тить прикосновение листа к коже, но в самый последний момент отдернул руку. Он чувствовал их запах и потому знал, что они действительно здесь есть, даже если глаза обманывали его. Мэй могла дотронуться до него – он все еще ощущал призрак ее пальцев на коже, но что, если ничего другого он не сможет ощутить? Уоллес никогда не был человеком праздным, не останавливался, чтобы понюхать розы, или как там еще говорится по этому поводу. И теперь его одолевали сомнения, пригибавшие его к земле.

Посередине большой комнаты стояла дюжина столиков, столешницы блестели, словно их только что основательно протерли. Стулья, задвинутые под столики, были старыми и выдавшими виды, но не ветхими. Они тоже все были разными – некоторые с деревянными сиденьями и спинками, на других лежали толстые, выцветшие подушки. Он заметил даже в одном из углов кресло-мешок. Такие кресла не попадались ему на глаза с самого детства.

Он едва услышал, как Мэй закрыла за ними дверь. Его поразили стены комнаты. Они были увешаны фотографиями и постерами, некоторые из которых были в рамках, а другие крепились кнопками. Он подумал, что эти фотографии что-то означают, но не понимал, что именно. Была здесь фотография водопада во фрактальном облаке радужных брызг. А также снимок острова в лазурном море, деревья на котором росли так густо, что земли не было видно. Имелось и гигантское изображение пирамид, сделанное ловкой, но непрофес-

сиональной рукой. Он обратил внимание и на фотографию какого-то замка на скале: скала была выщербленной и поросла мхом. И на обрамленный постер с вулканом, возвышающимся над облаками: из него горячими арками извергалась лава. Увидел он также городской пейзаж: город застыл на нем в ожидании зимы, его огни были яркими и почти что мерцали, их свет отражался от девственно-чистого снега. Странно, но от всего этого в горле Уоллеса встал ком. Ему вечно не хватало времени на посещение таких вот мест, и теперь он уже не увидит их воочию.

Покачивая головой, он пошел дальше и дошел до занимавшего половину стены справа от него камина, тлеющие угли в котором отбрасывали отблески на стены. Камин был сооружен из белого камня, а каминная полка – из дуба. На полке стояли, лежали маленькие безделушки: вырезанный из камня волк, еловая шишка, увядшая роза, корзиночка с белыми камешками. Над камином висели часы, похоже, неисправные. Секундная стрелка подрагивала, но оставалась на месте. Перед камином стояло кресло с высокой спинкой, с подлокотника свисал тяжелый плед. Все это выглядело... гостеприимно.

Уоллес посмотрел налево и увидел стойку, на которой стояли касса и пустая, темная витрина, к ее стеклу были приклеены скотчем маленькие рукописные таблички, рекламирующие разные виды кондитерских изделий. За стойкой вдоль стены выстроились банки. Некоторые были наполнены то-

ленькими листочками, другие – разных цветов порошками. Перед каждой банкой был написанный от руки ярлык со сведениями о данном сорте чая.

Над банками, рядом со створчатой дверью с небольшими окошками, висела меловая доска. На ней зеленым и синим мелками были нарисованы олененок, белки и птицы, они окружали меню, казавшееся бесконечным. Зеленый чай и травяной чай, черный чай и улун. Белый чай, желтый чай, ферментированный чай. Сенча, роза, мате, сенна, аспалатус, чага, ромашка. Гибискус, эссиак, матча, моринга, пуэр, крапива, одуванчик... и тут ему вспомнилось кладбище, где Мэй сорвала одуванчик и дунула на него, и прочь полетели маленькие белые пушинки.

По центру доски шел небольшой текст, слова были выведены заостренными буквами с наклоном вправо:

Если ты пьешь чай с кем-то в первый раз, ты для него незнакомец.

Если ты пьешь чай с кем-то во второй раз, ты почетный гость.

Если ты пьешь чай с кем-то в третий раз, значит, у тебя появилась семья.

Все, что предстало здесь его взору, казалось порождением горячечных галлюцинаций. Такого не могло быть в действительности. Оно было слишком... Уоллес никак не мог подобрать точное слово. Он встал перед витриной и смотрел на надпись на доске, не в силах отвести от нее взгляд.

Так он и стоял, пока из стены не выбежала собака.

Он, не веря своим глазам, быстро подался назад и пронзительно вскрикнул. Собака, большая черная дворняжка с белым пятном в форме почти что правильной звезды на груди, бросилась к нему, безудержно лая. Ее хвост яростно мотался из стороны в сторону, она обежала вокруг Мэй, прижимаясь к ней боком и виляя задницей.

– Кто у нас хороший мальчик? – сюсюкала Мэй. – Кто самый лучший в мире мальчик? Ты? Думаю, да.

Пес, видимо соглашаясь с тем, что он – лучший мальчик на свете, радостно лаял. Уши у него были большими и заостренными, одно из них загнулось. Он улегся перед Мэй, перевернулся на спину и задрыгал ногами. Мэй встала на колени, не обращая внимания на то, что была в костюме, и, к ужасу Уоллеса, стала гладить пса по животу. Тот смотрел на Уоллеса, высунув язык. Потом перевернулся и встал.

А затем прыгнул на Уоллеса.

Пес сбил его с ног. Уоллес упал на спину, пытаясь защитить лицо от яростного, горячего языка, лизавшего все открытые участки его тела.

– Помогите! – крикнул он. – Он хочет убить меня!

– Не-а, – отозвалась Мэй. – Он хочет не совсем этого. Аполлон не убивает. Он любит. – Она нахмурилась. – И довольно страстно. Аполлон, нет! Мы не трахаем людей.

И тут Уоллес услышал сухой, хриплый смешок, а вслед за этим чей-то скрипучий голос:

– Обычно он не приходит в такой раж. Интересно, почему это он так возбудился?

И прежде чем Уоллес смог переключить внимание на говорящего, пес спрыгнул с него и направился к закрытой двойной двери за стойкой. Но вместо того чтобы распахнуть ее, прошел *сквозь* нее, дверь при этом осталась неподвижна. Принявший сидячее положение Уоллес успел увидеть, как исчезает кончик его хвоста. Трос, тянувшийся из груди пса, скрывался за стойкой, и Уоллес не понимал, куда он идет дальше.

– Что, черт побери, это было? – спросил он, слыша, как пес лает где-то в доме.

– Это Аполлон, – ответила Мэй.

– Но... он прошел *сквозь стену*.

Мэй пожала плечами:

– Ну конечно. Он мертвый, как и ты.

– *Что?*

– Быстро же ты сюда добрался, – произнес все тот же скрипучий голос, и Уоллес повернулся к камину. При виде старика, изучающе взирающего на него с кресла, он невольно вскрикнул. Старик казался совсем древним, его темно-коричневая кожа была испещрена морщинами. Он улыбнулся, и его крепкие зубы блеснули при свете огня в камине. Брови у него были густыми и кустистыми, седые курчавые волосы походили на легкое облако. Он снова рассмеялся, причмокивая губами. – Хорошая работа, Мэй. Я знал, что ты спра-

вишься.

Переминающаяся с ноги на ногу Мэй покраснела.

– Спасибо. Поначалу возникли некоторые трудности, но я все уладила. – Уоллес почти не слушал ее, он продолжал переживать по поводу появления из ниоткуда сексуально озабоченного пса-призрака и старика. – По крайней мере, мне так кажется.

Старик встал с кресла. Он был невысокого роста и немного сгорбленным. Уоллес удивился бы, если бы выяснилось, что в нем есть хотя бы пять футов. Он был одет во фланелевую пижаму и старые тапки. К креслу была прислонена трость. Старик взял ее и, шаркая, направился к Мэй. Остановившись рядом с ней, он посмотрел на сидящего на полу Уоллеса. А потом постучал тростью по его лодыжке.

– А, – сказал он. – Вижу-вижу.

Уоллес не желал знать, что он там видит. Не надо было входить с Мэй в чайную лавку.

Старик спросил:

– Ты вроде как малость шебутной, да? – И снова постучал тростью по Уоллесу.

Уоллес оттолкнул ее:

– Может, хватит?

Но старик не прекратил своего занятия.

– Хочу кое-что объяснить тебе.

– Да что вы... – И тут Уоллес понял. Перед ним, вероятно, Хьюго, тот самый человек, к которому должна была приве-

сти его Мэй. Он не Бог, а, как она называет его, перевозчик. Уоллес не знал толком, чего он ожидал; возможно, представлял его в белых одеждах и с длинной бородой, излучающим ослепительный свет и с деревянным посохом вместо трости. А этому старику, казалось, тысяча лет. В нем было что-то такое, чему Уоллес не мог дать определения. И это... успокаивало? Или что-то вроде того. Может, происходящее было частью действия, которое Мэй называет *переходом*? Уоллес не понимал, зачем его надо бить тростью, но если Хьюго полагает это обязательным, то кто он такой, чтобы возражать ему?

Старик убрал трость.

– Теперь понятно?

Нет, непонятно.

– Наверное.

Хьюго кивнул:

– Хорошо. Вставай-вставай. Нечего расслаживаться на полу. А не то продует. И ты простынешь и помрешь. – Он захихикал, словно очень смешно пошутил.

Уоллес тоже посмеялся, хотя и через силу:

– Ха-ха. Ага. Очень смешно. Я понял. Это шутка. Вы шутите.

Глаза Хьюго блестели от неприкрытого удовольствия.

– Хорошо посмеяться, даже если не в охотку. Когда смеешься, не печалишься. Обычно оно так.

Уоллес медленно поднялся на ноги, с опаской глядя на

старика и Мэй. И отряхнулся, понимая, как смешон в их глазах. Выпрямился во весь рост и расправил плечи. При жизни он выглядел довольно устрашающе. И не хотел, чтобы над ним издевались только потому, что он умер.

Он сказал:

– Мое имя Уоллес...

– А ты высокий парнишка, да?

Уоллес моргнул:

– Э... наверное.

Старик кивнул:

– Может, ты сам того не знаешь. Как там наверху погодка?

Уоллес уставился на него:

– Что?

Мэй прикрыла рот рукой, но Уоллес успел заметить, что ее губы растягиваются в улыбке.

Старик (Хьюго? Бог?) снова прошелся тростью по ноге Уоллеса.

– О-ох. Ладно. Все понятно. Думаю, с этим можно работать. – Он, наклонившись к Уоллесу, ущипнул его за бок. Уоллес вскрикнул и оттолкнул его руку. Хьюго, сделав вокруг него круг, покачал головой и снова встал рядом с Мэй, опираясь на трость. – Ничего себе, первое задание, да, Мэй?

– А то. Но вроде бы я достучалась до него. – Она хмуро посмотрела на Уоллеса. – Мне так показалось.

– Ты вообще *ничего* не сделала, – выпалил Уоллес.

Хьюго кивнул:

– Мы с ним хлопот не оберемся. Сама увидишь. – Он ухмыльнулся. Морщины вокруг глаз стали еще глубже. – Люблю проблемных ребяташек.

Уоллес ощетинился:

– Меня зовут Уоллес Прайс. Я юрист из...

Хьюго не слушал его, он смотрел на Мэй и улыбался.

– Как добралась, дорогуша? Немного заблудилась, да?

– Ага, – подтвердила Мэй. – Мир больше, чем я помню, особенно если действуешь в одиночку.

– Тем он и прекрасен. Но теперь ты дома и потому ни о чем не беспокойся. Надеюсь, какое-то время побудешь у нас.

Мэй кивнула и вытянула руки над головой, в спине у нее что-то громко хрустнуло.

– В гостях хорошо, а дома лучше.

Уоллес предпринял еще одну попытку:

– Мне сказали, я умер от сердечного приступа. Я хочу подать официальную жалобу, учитывая...

– Он довольно спокойно принимает, что помер, – сказал Хьюго, смерив Уоллеса любопытным взглядом. – Они обычно кричат и вопят, да еще и угрожают. Люблю угрозы.

– О, у него свои закидоны, – ответила Мэй. – Но в целом не так уж он и плох. Угадай, где я его нашла.

Хьюго, прищурившись, снова оглядел его.

– Там, где он окочурился. Нет, подожди. У него дома, когда он пытался понять, почему там ничего не работает.

– На его похоронах, – сказала Мэй, и Уоллеса покорибила

неприкрытая радость в ее голосе.

– Нет, – выдохнул Хьюго. – Правда?

– Он сидел на скамье и все такое.

– Вау. Это усложняет дело.

– Между прочим, я здесь, – возмутился Уоллес.

– Я заметил, – беззлобно согласился Хьюго. – Но спасибо, что дал нам знать.

– Послушайте, Хьюго. Мэй сказала, вы можете помочь мне. Она сказала, что должна привести меня к вам, потому что вы перевозчик и сделаете... что-то. Признаюсь, я не обратил особого внимания на ее слова, но это *несущественно*. Не знаю, что у вас тут за дела и кто у вас за главного, но если возможно, я хотел бы не быть мертвым. У меня очень много работы, и потому меня это совершенно не устраивает. У меня *клиенты*. А в конце недели должно состояться совещание, которое никак нельзя отменить! – выдал он за один присест, его мозг лихорадочно работал. – А в пятницу я обязательно должен выступить в суде. Вам известно, кто я такой? Потому что если известно, то вы должны понимать, что у меня нет времени на все, что сейчас происходит. У меня имеются обязанности, чрезвычайно важные обязанности, которые не могут быть проигнорированы.

– Ну конечно, я знаю, кто ты такой, – сухо сказал Хьюго. – Ты Уоллес.

Уоллес почувствовал такое сильное облегчение, какого никогда прежде не испытывал. Он попал к нужному челове-

ку. Мэй, кем бы – или чем бы – она ни была, похоже, у них мелкая сошка. А вся власть у Хьюго. Всегда, всегда, для того чтобы добиться своего, нужно иметь дело с главным.

– Хорошо. Тогда вы понимаете, что так дело не пойдет. И потому я буду очень благодарен вам, если вы примете необходимые меры, дабы исправить имеющееся положение дел. – А затем, не будучи абсолютно уверен в том, что перед ним не Бог, добавил: – Пожалуйста. Спасибо. Сэр.

– Хм, – произнес Хьюго. – Да это какой-то винегрет из слов.

– Он любит так выражаться, – громко прошептала Мэй. – Может, потому что юрист.

Старик снова смерил Уоллеса взглядом.

– Называет меня Хьюго. Ты слышала?

– Слышала. Может, нам стоит...

– Хьюго Фриман, к вашим услугам. – Старик отвесил самый низкий поклон, на какой только был способен.

Мэй вздохнула:

– Или так...

Хьюго фыркнул:

– Умей радоваться тому, что имеешь. Не вечно же унывать. Так на чем мы остановились? Ах да. Я Хьюго, а ты не рад, что мертв, но не потому что у тебя есть друзья, или семья, или еще какие розовые слюни в сахаре, но потому что должен работать. А собственная смерть причиняет тебе неудобства. – Он немного помолчал, над чем-то раздумыва-

вая. – *Адские* неудобства.

Уоллес расслабился. Он ожидал, что придется спорить и доказывать. И был рад тому, что нет нужды грозить судебным разбирательством.

– Именно. Именно так.

Хьюго пожал плечами:

– Хорошо.

– Правда? – Он сможет вернуться в свой офис самое позднее завтра днем или послезавтра в зависимости от того, как долго ему придется добираться до дома. Придется потребовать, чтобы Мэй доставила его обратно, поскольку у него нет с собой бумажника. Если совсем прижмет, он позвонит на фирму и велит помощнице купить ему билет на самолет. У него, конечно, нет при себе водительских прав, но что-то столь тривиальное не остановит Уоллеса Прайса. В крайнем случае он может поехать на автобусе, но, по возможности, следует избежать этого. Он не работал почти неделю, так что придется нагонять, но это не слишком большая цена за возвращение. Придется как-то объяснить всю эту суету с похоронами и гробом, но он все уладит. Наоми расстроится, потому что ничего из его имущества ей не достанется, ну и черт с ней. Она подло вела себя на его похоронах.

– О'кей, – сказал он. – Я готов. Как мы это продеваем? Вы... что-то произнесете или что? Может, нужно принести в жертву козу? – Он состроил гримасу. – Хотя я очень надеюсь, этого не потребуются. Я плохо переношу вид крови.

– Тебе повезло, – ответил Хьюго. – Козы у нас закончились.

Уоллес вздохнул с облегчением.

– Прекрасно. Я готов воскреснуть. Я усвоил преподанный мне урок. Обещаю лучше относиться к людям и бла-бла-бла.

– Радость, которую я испытываю, не имеет границ, – заверил его Хьюго. – Подними руки над головой.

Уоллес сделал, как было велено.

– А теперь попрыгай вверх-вниз.

Уоллес попрыгал. Трос поднимался с пола и снова опускался.

– Повторяй за мной: Я хочу быть живым.

– Я хочу быть живым.

Хьюго вздохнул:

– Ты должен прочувствовать это. Скажи так, чтобы я *поверил*.

– Я хочу быть живым! – крикнул Уоллес, прыгая вверх-вниз с поднятыми руками. – Я хочу быть живым! Я хочу быть живым!

– Так-то лучше! – в свою очередь крикнул Хьюго. – Чувствую, что-то происходит. Что-то приближается. Продолжай! Прыгай кругами!

– Я хочу быть живым! – вопил Уоллес, нарезая круги. – Я хочу быть живым! Я хочу быть живым!

– А теперь *стоп*. Ни в коем случае *не шевелись*.

Уоллес замер на месте: руки над головой, одна нога под-

нята, со ступни свисает шлепанец. Он чувствовал, что все получается. Он не знал, как это работает, но это работало. Скоро все закончится. И он вернется к жизни.

Глаза Хьюго расширились.

– Стой так до тех пор, пока я не скажу, что можно расслабиться. И даже *не моргай*.

Уоллес не моргал. Он стоял совершенно неподвижно. Он сделает все, что угодно, лишь бы все вернулось на круги своя.

Хьюго кивнул:

– Хорошо. А теперь я хочу, чтобы ты повторял за мной: Я идиот.

– Я идиот.

– И я мертв.

– И я мертв.

– И я никак не смогу вернуться к жизни, потому что это невозможно.

– И я никак... что?

Хьюго согнулся пополам от разбивавшего его скрипучего смеха.

– О. Видел бы ты свое лицо. Такого ни за какие деньги не купишь!

Кожа под правым глазом Уоллеса задергалась, он опустил руки и медленно поставил ногу на пол.

– *Что?*

– Ты *мертв*, – сказал Хьюго. – И тебя нельзя оживить.

Так не бывает. Честно. – Он толкнул Мэй локтем в бок. – Видишь? Каков придурок. Он мне нравится. Жалко будет, когда он уйдет. Такой смешной.

Мэй посмотрела на дверь.

– Из-за тебя у нас будут неприятности, Нельсон.

– Пфф. Смерть необязательно печальна. Надо научиться смеяться над собой, прежде чем мы...

– Нельсон, – медленно проговорил Уоллес.

– Старик посмотрел на него:

– Что такое?

– Она назвала вас Нельсоном.

– Так меня зовут.

– А не Хьюго.

Нельсон помахал рукой:

– Хьюго – мой внук. – Он прищурился. – И ты не расскажешь ему, что мы тут вытворяли, если ты не враг себе.

Уоллес вытаращился на него:

– Вы это... вы это *серьезно*?

– Я серьезен, как сердечный приступ, – ответил Нельсон, а Мэй, казалось, поперхнулась. – Упс. Слишком рано?

Уоллес неуверенно шагнул к старику, сам не зная, что собирается сделать. Он ничего не соображал, не мог выговорить ни единого слова. Зацепился за собственную ногу и упал в сторону Нельсона, его глаза расширились, изо рта вырвалось что-то вроде скрипа двери.

Но он не очутился на Нельсоне, потому что тот исчез,

и Уоллес рухнул ничком на пол.

Он поднял голову, как раз когда старик снова предстал его глазам. Он стоял у камина и грозил Уоллесу пальцем.

Уоллес, глядя в потолок, перекатился на спину. Грудь у него вздымалась (что было особенно досадно, если учесть, что легкие теперь были ему без надобности), кожу саднило.

– Вы мертвый.

– Мертвее некуда, – согласился Нельсон. – И смерть стала для меня облегчением, правду тебе говорю. Старое тело порядком поизносилось, и, сколько я ни старался, не мог заставить его работать так, как мне хотелось. Иногда смерть – благословение, даже если мы не сразу понимаем это.

И тут раздался еще чей-то голос, глубокий и теплый, произносимые им слова, казалось, имеют вес, и за крюк в груди Уоллеса словно сильно потянули. Ему должно было быть больно. Но больно не было.

Он почувствовал едва ли не облегчение.

– Дедушка, ты снова шалишь?

Уоллес повернулся на звук этого голоса.

В дверях появился человек.

Уоллес медленно моргнул.

Человек спокойно улыбнулся, обнажив невероятно белые зубы. Два передних были чуть кривыми, что странным образом добавляло ему очарования. Он был, вероятно, на дюйм-два ниже Уоллеса, руки и ноги у него были худыми. На нем были джинсы и рубашка с отложным воротником, а поверх

этого фартук с вышитыми словами ПЕРЕПРАВА ХАРОНА. Фартук немного топорщился, повторяя очертания небольшого животика. Кожа темно-коричневая, глаза почти орехового цвета с зелеными крапинками. На голове, как и у старика, была прическа афро, только волосы были черными, а не седыми. Он казался молодым; не таким молодым, как Мэй, но определенно моложе Уоллеса. Дощатый пол скрипел при каждом его шаге.

Он поставил поднос, что был у него в руках, на стойку, чайник звякнул об очень большие чашки. Он обошел стойку. Аполлон бегал вокруг него и *сквозь* его ноги. Человек смеялся, глядя на Уоллеса.

– Я все видел. Это было забавно, правда?

Пес согласно лаял.

Уоллес смотрел на приближающегося к нему человека. Сам не зная почему, он сосредоточился на его руках: пальцы на них были странно тонкими, кожа ладоней оказалась светлее, чем на тыльных сторонах, ногти походили на маленькие луны. Он потер руки и сел на корточки рядом с Уоллесом, хотя и на некотором расстоянии, словно считал его человеком непредсказуемым. И только тут Уоллес заметил, что трос, прикрепленный к его груди, тянется к этому человеку, хотя никакого крюка у того не было. Трос просто исчезал в грудной клетке – там, где должно быть его сердце.

– Привет, – сказал человек. – Вы Уоллес, верно? Уоллес Прайс?

Уоллес кивнул, не в силах произнести хоть что-нибудь.

Улыбка человека стала шире, крюк в груди Уоллеса нагрелся.

– Меня зовут Хьюго Фриман. Я перевозчик. Уверен, у вас есть ко мне вопросы. И я очень постараюсь ответить на них. Но все по порядку. Хотите чаю?

Глава 5

Уоллес никогда особенно не любил чай. Если его настойчиво угощали им, он говорил, что не понимает, почему этот напиток пользуется такой популярностью. Это всего лишь сухие листья в кипятке.

Он по-прежнему во все глаза глядел на человека по имени Хьюго Фриман, и оттого ситуация становилась только напряженней. Движения Хьюго были полны изящества, казались продуманными, словно он танцевал. Он не протянул Уоллесу руку, чтобы помочь встать, а предложил подняться самостоятельно. Уоллес послушался, но подходить к Хьюго не стал. Если Бог и существовал, то им был именно этот человек, что бы там ни говорила Мэй. Возможно, это был еще один трюк, проверка с целью выяснить, как поведет себя Уоллес. Ему нужно быть осторожным, особенно если придется

настаивать на том, чтобы стоящий перед ним человек воскресил его. И не имело никакого значения, что трос, похоже, осуществлял связь между ними – он то натягивался, то провисал, в зависимости от того, как близко они оказывались друг к другу.

Аполлон сидел рядом со стойкой у ног Хьюго и взирал на него с обожанием, тихо постукивая хвостом по полу. Мэй помогала Нельсону, хотя тот и ворчал, что способен справиться со всем сам.

Уоллес смотрел, как Хьюго берет с подноса заварочный чайник. Он поднес его к лицу и сделал глубокий вдох. Потом кивнул и сказал:

– Он должен был уже настояться. Так что можно пить. – Он посмотрел на Уоллеса почти виноватым взглядом. – Это органический чай, что на первый взгляд вам не очень подходит, но у меня глаз наметанный. Я думаю, вы любите все органическое. И мятное.

– Я не люблю ничего органического, – пробормотал Уоллес.

– Это хороший чай. – Хьюго начал разливать чай. – Думаю, он вам понравится. – На подносе стояли четыре чашки с разным цветочным рисунком. Хьюго попросил Уоллеса взять чашку, рисунок на которой уходил внутрь.

– Я мертв, – сказал Уоллес.

Хьюго широко улыбнулся ему:

– Да. Да. Мертвы.

Уоллес стиснул зубы.

– Я не... забудьте. Разве, черт побери, я могу взять чашку?

Хьюго рассмеялся. Низкий смех зародился у него в груди и выплеснулся изо рта.

– А. Понятно. Где-либо еще так оно и было бы. Но только не здесь. Попробуйте взять ее. Обещаю, вы не будете разочарованы.

Ни у кого не могло быть полной уверенности в этом. Уоллес был способен коснуться лишь Мэй и земли под ногами. Да еще Аполлона, но вот его касаться совсем не хотелось. Происходящее воспринималось им как проверка, и он ни на йоту не доверял этому человеку. Уоллес не знал, что такое йота, но полагал, что она не очень большая.

Он вздохнул и потянулся к чашке, ожидая, что его рука пройдет сквозь нее, готовый посмотреть на Хьюго и спросить: *Видите?*

Но тут он почувствовал исходящее от чашки тепло и ахнул от изумления, когда пальцы коснулись ее поверхности. Она была твердой.

Она была твердой.

Его рука дернулась вверх, и чай, перелившись через край, попал ему на пальцы. Уоллес зашипел, потому что было горячо, но скоро это ощущение исчезло. Он посмотрел на пальцы. Они имели свой обычный цвет, ожога на них не было.

– Это особые чашки, – объяснил Хьюго. – Для таких, как

вы.

– Для людей вроде меня, – глухо повторил за ним Уоллес, по-прежнему глядя на пальцы.

– Да. – Хьюго кончил разливать чай и поставил чайник обратно на поднос. – Для тех, кто расстался с одной жизнью и готовится к другой. Они обернулись бесценным подарком для меня, когда я стал тем, кем являюсь сейчас.

– Перевозчиком.

Хьюго кивнул:

– Да. – Он побарабанил пальцами по вышитым на фартуке буквам. Казалось, он не замечает троса, его пальцы проходили сквозь него.

– Вы знаете, кто такой Харон?

– Нет.

– Он был греческим перевозчиком, сопровождавшим души в Аид через реки Стикс и Ахерон, которые разграничивали мир живых и мир мертвых. – Хьюго издал короткий смешок. – Знаю, я поступил не слишком деликатно, но я был моложе, когда давал название этому месту.

– Моложе, – повторил Уоллес. – Вы по-прежнему молоды. – А затем, испугавшись, что, может, обижает божество, которое, по всей видимости, ответственно за... за что-то там, быстро добавил: – По крайней мере, вы молодо выглядите. То есть я не знаю, как у вас тут все устроено, и...

– Спасибо, – сказал Хьюго, его губы дернулись, словно волнение Уоллеса показалось ему забавным.

– О-хо-хо, – вздохнул Нельсон, беря свою чашку и шумно прихлебывая из нее. – Теперь он старик. Может, не такой древний, как я, но дело к тому идет.

– Мне тридцатник, – коротко проинформировал Хьюго. – Он жестом показал на чашку перед Уоллесом. – Пейте. Чай лучше пить горячим.

Уоллес посмотрел на чай. На его поверхности плавали какие-то темные крошки. Он не был уверен, что ему хочется пить такое, но Хьюго внимательно наблюдал за ним. Похоже, эта бурда никак не навредила Мэй и Нельсону, так что Уоллес осторожно взял чашку и поднес к лицу. Чай сильно пах мятой, и глаза Уоллеса рефлекторно закрылись. Он слышал, что Аполлон зевает, как это обычно делают собаки, и что дом скрипит, и вот пол и стены отвалились, а крыша взлетела в небо, и он оказался, он оказался, он *оказался*...

Он открыл глаза.

Он был дома.

Не в своем теперешнем доме, не в многоквартирной высотке с заграничной мебелью, где архитектурным акцентом служила красная стена, которую он все думал перекрасить, а также с панорамным окном, выходящим на город из металла и стекла.

Это был дом его *детства*, со скрипучими ступеньками и нагревателем воды, в котором горячей воды всегда было недостаточно. Он стоял в кухонном дверном проеме, из старого радиоприемника раздавался голос Бинга Кросби, же-

лавшего всем, кто слушал его, отпраздновать свое маленькое веселое Рождество.

– Отныне, – подпевала его мать, кружась по кухне, – нам придется как-то продираться.

За окном шел снег, на шкафах и подоконниках висели гирлянды. Плита дзинькнула, и мать рассмеялась. Она взяла со стойки прихватку со снеговиком, открыла дверцу плиты – раздался пронзительный звук, напоминающий визг, – и вынула из нее противень с домашними леденцами. Это было ее праздничное фирменное блюдо, его рецепт она унаследовала от своей матери, грузной полячки, называвшей Уоллеса *rosiecha*¹. Кухню наполнил запах мяты.

Мать смотрела на него, а он стоял в двери, и ему было *десять* и *сорок* лет одновременно, и на нем был спортивный костюм и шлепанцы, и в то же самое время фланелевая пижама, его волосы были растрепаны, босые ноги холодили голый пол.

– Посмотри, – сказала она, показывая на леденцы. – Думаю, это лучшая партия. Мамуся гордилась бы мной.

Уоллес сомневался в этом. Его бабушка была наводящей страх, острой на язык грубиянкой. Она умерла в доме для престарелых. И Уоллес ощутил тогда не только печаль, но и облегчение, хотя держал свои чувства при себе.

Он шагнул к матери, и в то же самое время чай потек по его горлу и добрался до желудка. Его вкус был таким же, как

---

¹ Утешение (польск.) – прим. переводчика

запах леденцов, и это было чересчур, это шокировало, потому что такого не могло быть. И все же он явственно чувствовал запах и вкус леденцов и сказал:

– Мама? – Но она ничего ему не ответила, а лишь продолжала подпевать Бингу Кросби, певшему теперь о голубых глазах.

Он медленно моргнул.

Он был в чайной лавке.

Он снова моргнул.

Он был в кухне в доме своего детства.

Он сказал:

– Мама, я... – И почувствовал укол в сердце, резкий удар, заставивший его охнуть. Его мать умерла. Только что она была здесь и вдруг исчезла, и его отец с мрачным видом говорил в телефонную трубку, что все произошло очень быстро, что, когда доктора выявили болезнь, было уже слишком поздно. Речь шла, как потом объяснил ему один из его двоюродных братьев, о метастазе у нее в легких. Она не хотела, чтобы Уоллес знал об этом, тем более что они не общались вживую целый год. И он ужасно сердился на нее за это. И вообще за все.

Вот какой вкус был у чая. Вкус воспоминаний. Дома. Юности. Предательства. Горько-сладкий и теплый.

Уоллес моргнул и обнаружил, что все еще находится в чайной лавке, чашка тряслась у него в руке. Он поставил ее на стойку, чтобы из нее не пролилось еще больше чая.

Хьюго сказал:

– У вас есть вопросы.

Уоллес дрожащим голосом ответил:

– Это, возможно, самое сильное приуменьшение, когда-либо сделанное человеком.

– Он пытается говорить гиперболами, – сказала Мэй Хьюго, словно это что-то объясняло.

Хьюго поднял свою чашку и сделал глоток. Его брови на какой-то момент сошлись на переносице, но потом вернулись на место.

– Я постараюсь ответить на них как можно вразумительнее, но всего я и сам не знаю.

– Не знаете?

Хьюго покачал головой:

– Конечно не знаю. Откуда?

Разочарованный Уоллес выпалил:

– Тогда я задам самые легкие вопросы. Почему я здесь? В чем смысл этого?

Мэй рассмеялась:

– И ты называешь эти вопросы *легкими*? Классно, чувак! Я тащусь.

– Вы здесь, потому что умерли, – сказал Хьюго. – Что же касается второго вопроса, то не знаю, способен ли я дать на него исчерпывающий ответ, по крайней мере, на том уровне, на котором вы его задаете. Да и вряд ли кто способен на это.

– Тогда я спрошу: а в чем ваш смысл?

Хьюго кивнул:

– Ну, это действительно просто. Я перевозчик.

– Я уже говорила ему об этом, – прошептала Мэй.

– Бывает трудно усвоить полученную информацию сразу же, – в свою очередь прошептал Нельсон. – Дадим ему чуть больше времени.

– А чем занимается перевозчик? – спросил Уоллес. – Вы единственный или есть и другие?

Хьюго покачал головой:

– Нас много. Людей, которые... Ну скажем так: людей, получивших задание помогать таким, как вы, постичь, что вы чувствуете.

– У меня уже есть психотерапевт, – огрызнулся Уоллес. – Я хорошо плачу ему, и у меня нет к нему претензий.

– Неужели? – изумилась Мэй. – Нет претензий. Совершенно никаких претензий.

– Мэй, – снова предостерегающе произнес Хьюго.

– Конечно-конечно, – пробормотала она и сделала глоток чая. А потом со слегка расширившимися глазами вылебала тремя большими глотками все, что оставалось в чашке. – Черт побери, до чего же хорошо. – Она посмотрела на Уоллеса: – Хм, не ожидала такого от тебя. Поздравляю.

Уоллес не понял, что она имеет в виду, и не озаботился спросить. Крюк у него в груди стал тяжелее, и хотя его потягивание было приятным, все эти ощущения начали раздражать его.

– Я в горах.

– Да, – согласился Хьюго.

– Рядом с городом нет гор.

– Нет.

– Значит, мы проделали долгий путь.

– Проделали.

– Даже если вы не единственный перевозчик, то я все равно не понимаю, как это работает. Люди все время умирают. Сотнями. Тысячами. И здесь должно было бы находиться куда больше народу. Так почему у вашей двери нет очереди?

– Большинство городских жителей поступают к перевозчице *в городе*, – ответил Хьюго, и Уоллеса удивило, с какой тщательностью он, похоже, подбирает слова. – Но иногда их присылают ко мне.

– Переизбыток клиентов.

– Что-то вроде этого. Честно говоря, я не всегда понимаю, почему людей вроде вас направляют сюда. Но мне не пристало спрашивать *почему*. Вы здесь, и имеет значение только это.

Уоллес вытаращился на него:

– Вы не спрашиваете *почему*? Но почему, черт побери? – Вопросы, начинающиеся с «почему», были коньком Уоллеса. Задавая их, можно было докопаться до того, что люди пытаются скрыть. Он посмотрел на Мэй, и она улыбнулась ему. От нее не приходилось ждать помощи. Остается Нельсон, который в той же лодке, что и он. Может, от него и будет

какая польза. – Нельсон, вы...

– О нет, – поторопился сказать Нельсон, посмотрев на свою кисть. – Взгляните на часы. Я уже должен сидеть в кресле у огня. – И он, опираясь на трость, зашаркал к камину. Аполлон потрусил за ним, хотя и оглядывался при этом на Хьюго, словно желал удостовериться, что тот остается там, где был.

От всего этого лучше Уоллесу не стало.

– Пусть кто-нибудь ответит на некоторые мои вопросы, пока я не... – Уоллес не смог сообразить, как закончить начатую фразу.

Хьюго потер шею:

– Послушайте, Уоллес... Могу я называть вас Уоллесом? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Уоллес, смерть – это... сложно. Я даже не пытаюсь представить, что сейчас происходит у вас в голове. С разными людьми бывает по-разному. Нет двух одинаковых людей ни в жизни, ни в смерти. Вам хочется возмущаться, и бушевать, и сыпать угрозами. И я вас понимаю. Вам хочется торговаться. Заключить сделку. Мне понятно и это. Скажите все, что хотите сказать, и, может, вам станет хоть немного легче. Никто вас не осудит.

– По крайней мере, вслух, – уточнил устроившийся в кресле Нельсон.

– У вас случился сердечный приступ, – спокойно продолжал Хьюго. – Он был внезапным. Вы никак не могли предотвратить его. И в этом не было вашей вины.

– Знаю, – зло ответил Уоллес. – Я ничего и *не делал*. – Он помолчал. – Подождите, а откуда вам известно, как я...

– Просто знаю, вот и все. Вернее, мне это показывают. Иногда я вижу все... смутно. Лишь в общих чертах. А в других случаях – предельно ясно, хотя такое бывает редко. В вашем случае как раз все было ясно.

– Да уж, наверное, – холодно отозвался Уоллес. – Куда уж яснее. отошлите меня обратно.

– Я не могу сделать этого.

– Тогда найдите того, кто сможет.

– Тоже не могу. Это так не работает, Уоллес. Река течет лишь в одном направлении.

Уоллес кивнул, лихорадочно обдумывая, что узнал и понял. Он, несомненно, не был услышан. И помощи здесь ждать нечего.

– Тогда я вынужден откланяться и потребовать, чтобы меня вернули в город. Если вы не способны помочь мне, я устрою это сам. – Он не знал толком, *как* это можно сделать, но все, что угодно, предпочтительнее того, чтобы сидеть здесь и слушать, как эти три идиота толкут воду в ступе.

Хьюго покачал головой:

– Вы не можете покинуть нас.

Уоллес прищурился:

– Хотите сказать, я угодил в западню? И вы удерживаете меня здесь против моей воли? Что совершенно похищение? Я призыву вас к ответственности за это. Да, так я и сделаю.

Хьюго сказал:

– Вы стоите.

– Что?

Хьюго кивком показал вниз:

– Вы ощущаете пол под ногами?

Уоллес согнул пальцы ног. Сквозь тонкие шлепанцы он чувствовал, как пол давит на его ступни снизу.

Хьюго взял с подноса ложку и положил на стойку.

– Возьмите эту ложку.

– Зачем?

– Затем, что я попросил вас об этом. Пожалуйста.

Уоллес не хотел брать ложку. Не видел в этом никакого смысла. Но вместо того чтобы вступать в спор, подошел к стойке. И посмотрел на ложку. Такую маленькую. На ручке были выгравированы цветы. Он протянул руку, чтобы взять ее. Руки у него дрожали. Он обхватил ложку пальцами и поднял ее.

– Хорошо, – сказал Хьюго. – А теперь положите ее обратно.

Уоллес с тихим ворчанием сделал, что ему было велено.

– И что теперь?

Хьюго посмотрел на него:

– Вы призрак, Уоллес. Вы мертвы. Возьмите ее снова.

Уоллес, округлив глаза, хотел было сделать это. Но его рука прошла сквозь ложку. И более того, погрузилась в столешницу. По коже прошел какой-то странный зуд, и он, тяжело

дыша, отдернул руку, будто прикоснулся к чему-то очень горячему. Все пальцы были на месте, зуд прекратился. Он попытался снова взять ложку. И снова. И снова. И каждый раз рука проходила сквозь нее и погружалась в стойку.

Хьюго вытянул руку, вроде бы намереваясь коснуться руки Уоллеса, но вдруг остановился, и его ладонь нависала теперь над его кистью, не приближаясь к ней.

– В первый раз вы смогли взять ложку, потому что вам это всегда удавалось. Потому что так оно работало всегда. Но затем я напомнил вам, что вы мертвы, и вы разучились делать это. Ваши ожидания стали иными. Вам надо было *не* ожидать этого. – Он постучал себя по голове. – Все зависит от работы мозга и умения сосредоточиться на чем-либо.

У Уоллеса началась паника – перехватило дыхание, руки задрожали.

– Чепуха какая-то!

– Вы привыкли к одним правилам. А сейчас все вокруг изменилось.

– Еще чего! – Он снова потянулся к ложке, но его рука снова прошла сквозь нее, и он снова ее отдернул. Когда он проделывал это в очередной раз, то задел чашку, и она перевернулась. Чай пролился на столешницу. Уоллес, покачиваясь, отошел от стойки, глаза у него были выпучены. Зубы стиснуты. – Я... я не могу здесь оставаться. Я хочу домой. Отпустите меня.

Хьюго, хмурясь, обогнул стойку:

– Уоллес, вам нужно успокоиться, о'кей? Сделайте глубокий вдох.

– Не надо меня успокаивать! – закричал Уоллес. – И если я мертв, почему вы велите мне дышать? Это *невозможно*.

– Он наконец-то понял, что к чему, – сказала Мэй, приканчивая вторую чашку чая.

На каждый шаг, сделанный к нему Хьюго, Уоллес отвечал тем, что отступал на шаг назад. Нельсон взирал на это, повернувшись к ним в своем кресле, его рука лежала на голове Аполлона. Собака стучала по полу хвостом, будто отбивал такт метроном.

– Держитесь от меня подальше! – рявкнул Уоллес.

Хьюго успокаивающе поднял руку:

– Я не собираюсь причинять вам вред.

– Я вам не верю. Не подходите ко мне. Я уйду, и вы не сможете остановить меня.

– О нет, – выдохнула Мэй. Она поставила чашку на стойку и смотрела на Уоллеса. – Это определенно плохая идея. Уоллес, ты не можешь...

– Не смей говорить мне, что я могу, а чего не могу! – взревел он, и лампочка в одном из светильников с шипением погасла, стекло треснуло. Уоллес повернул голову на этот звук.

– О-ох, – прошептал Нельсон.

Уоллес развернулся и побежал.

Глава 6

Первым препятствием оказалась дверь.

Он взялся за ручку.

Его рука прошла сквозь нее.

Сдавленно вскрикнув, он прыгнул на дверь. *Сквозь* дверь.

Открыв глаза, обнаружил, что находится на крыльце чайной лавки. Оглядел себя. Все у него вроде бы было на месте, при этом крюк и трос никуда не делись, последний тянулся обратно в лавку. К двери с шумом метнулось что-то большое, он поспешил спрыгнуть с крыльца и приземлился на гравий. В небе трепетали звезды, деревья казались более зловещими, чем когда он увидел их в первый раз. Они клонились и раскачивались, словно подзывали к себе. Он споткнулся обо что-то, уловив, как ему показалось, некое движение среди деревьев слева – огромное животное с рогами, как у оленя,

наблюдало за ним. Но это наверняка была лишь игра теней, потому что, моргнув, он увидел перед собой только ветки.

Он побежал по дороге – той, по которой пришел сюда с Мэй. Если он сможет добраться до деревни, то найдет там кого-нибудь, кто поможет ему. И Уоллес расскажет этому человеку о свихнувшихся людях в чайной лавке посреди леса.

Крюк у него в груди вдруг резко потащил его назад, трос, натянувшись, врезался в бок. Он чуть было не упал на колени, но умудрился выпрямиться. Шлепанцы мешали ему. И с чего он решил, что они – хорошая идея?

Он оглянулся на лавку как раз в тот момент, когда Мэй и Хьюго вылетели на крыльцо, что-то крича ему. Мэй сказала:

– Это самая идиотская затея из тех... – а Хьюго одновременно с этим крикнул:

– Уоллес, *Уоллес*, не надо, вы не знаете, что вас ждет... – Но Уоллес во всю прыть рванул по дороге.

Бегун из него был аховый. Правда, в кабинете у него стояла беговая дорожка, и он имел обыкновение проходить большие расстояния во время телефонных совещаний. Ни на что другое времени не оставалось, но это было хоть что-то.

Он удивился тому, что сердце в груди не колотится как сумасшедшее и бок не болит. Даже шлепанцы не слишком замедляли бег. Воздух вокруг был странно спертый, тяжелым и душным, но он *бежал*, бежал быстрее, чем когда-либо в жизни. Он в шоке посмотрел на свои ноги. Они казались ему

почти что расплывчатыми пятнами, по очереди касавшимися ведущей к деревне дороги. Он невольно рассмеялся, издав какое-то дикое квохтанье, на которое не был способен прежде. Казалось, он наполовину выжил из ума.

Он снова оглянулся.

И ничего и никого не увидел. Никто не гнался за ним, никто не звал его. Только пустая темная дорога, ведущая неизвестно куда.

Ему должно было стать лучше.

Но не стало.

Он изо всех сил бежал к автозаправке впереди, натриевые фонари светили ему словно маяк, вокруг них вилась мошкара. Около одной из колонок стоял выдавший виды фургон, и он видел копошащихся в нем людей. Он побежал дальше и остановился только перед автоматическими дверями.

Они не открылись.

Он принялся прыгать и размахивать руками.

Никакого результата.

Он крикнул:

– Откройте дверь!

Человек за прилавком продолжал со скучающим видом нажимать на кнопки телефона.

Женщина в глубине магазина стояла перед холодильником с напитками, зевала и почесывала подбородок.

Он тихо зарычал и хотел было раздвинуть двери. Его руки прошли сквозь них.

– Ах да, – сказал он себе. – Я же мертв. Черт побери.

И прошел сквозь двери.

В тот самый момент, как он вошел в магазин, флуоресцентные лампы на потолке вспыхнули и зажужжали. Человек за прилавком – юнец с невероятными бровями и лицом, усыпанным веснушками, – нахмурился и поднял голову. Но потом пожал плечами и вернулся к телефону.

Уоллес выбил его у него из рук.

По крайней мере, попытался.

Но ничего не получилось.

С ровно таким же успехом он попытался схватить парня за лицо. И с отвращением вздрогнул, когда его большой палец угодил парню в глаз и вошел в него.

– До чего же все это глупо, – пробормотал он. Он повернулся к женщине в черном, все еще взиравшей на холодильник. И ни на что особо не надеясь, подошел к ней. Она не слышала его. Она его не видела. Она просто взяла двухлитровую бутылку «маунтин дью».

– Кошмар, – сказал он ей. – Вам должно быть стыдно. Вы хоть знаете, из чего его делают?

Но его мнение опять же не было услышано.

Автоматические двери раздвинулись, и Уоллес пригнулся, потому что продавец произнес:

– Привет, Хьюго, ты сегодня припозднился.

– Не мог заснуть, – ответил Хьюго. – И надумал кое-чего купить.

Уоллес попытался спрятаться за полкой с картофельными чипсами. И выругался, когда провалился сквозь них и очутился в полке. Он дернулся вперед, готовясь драпануть из магазина, но тут двери опять открылись. И он застыл на месте, потому что парень за прилавком сказал:

– Привет, Мэй. Тебе тоже не спится?

– Сам знаешь, как оно бывает, – отозвалась Мэй. – Босс на ногах, значит, и ты вместе с ним.

Парень мог *видеть* ее.

А это значило...

Уоллес понятия не имел, что это могло значить.

Но прежде чем он начал перерабатывать новую для себя информацию, случилась странная вещь: вокруг него вихрем взметнулись пылинки.

Он нахмурился, глядя, как они, проплывая мимо его лица, устремляются к потолку. Пылинки были какого-то странного цвета, преимущественно телесного. Он протянул руку, чтобы схватить довольно большую пылинку, но замер, увидев, что является источником пыли.

Его собственная рука.

Кожа на ней постепенно отшелушивалась, верхний ее слой поднимался вверх и улетал прочь.

И он вскрикнул, яростно потирая одной рукой другую.

– Попался, – сказала Мэй, появляясь рядом с ним. А потом: – Вот дерьмо. Уоллес, нам нужно тебя...

Он наклонился к холодильнику.

Сквозь холодильник.

Бессвязно крича, он пролетел сквозь ряды бутылок с газировкой и сквозь бетонную стену. И снова оказался на улице рядом с магазином. Провел ладонями по предплечьям и выяснил, что его кожа продолжает шелушиться. Крюк в груди как-то сердито повернулся, трос шел к стене, через которую он только что продрался. Он забежал за магазин. Там, под бесконечным ночным небом, простиралось пустое поле. По другую его сторону было еще одно селение. Дома там стояли близко друг к другу, в некоторых горели огни, другие были темными и казались зловещими. Он направился к ним, все еще яростно потирая руки.

Он пересек поле и пошел между двумя домами. В доме справа редела музыка; дом слева был темным и тихим. Он прошел сквозь забор, окружавший правый дом, потом сквозь стену и очутился в спальне, где женщина в комбинезоне из красной кожи, стоя у кровати, постукивала по ладони стеклом, все ее внимание было сосредоточено на мужчине в пижаме, произносящем:

– Это будет *потрясающе*.

– О боже милостивый, – хрипло прошептал Уоллес и попытался к стене.

Почувствовав под ногами дорожное покрытие, он остановился. Он не знал, куда теперь идти. Кожа на ногах по-прежнему расслаивалась и проникала сквозь спортивный костюм. В ушах у него звенело, мир вокруг был подернут дымкой,

его цвета смешивались воедино. Трос светился, крюк подрагивал.

Он быстро пошел по тротуару, желая уйти как можно дальше. Но, казалось, его шлепанцы расплавились, и каждый следующий шаг давался труднее, чем предыдущий, словно он шел по воде. Он зарычал от напряжения. Звон в ушах усилился, и он никак не мог ни на чем сосредоточиться. Он стиснул зубы и пошел дальше. Ноготь на мизинце правой руки сполз и рассыпался.

Он, посмотрев вперед, сжал кулаки. Посреди улицы стоял мужчина.

Но что-то в нем было неправильным, и по коже Уоллеса побежали мурашки. Мужчина, наклонившись, стоял спиной к Уоллесу. Его обнаженный торс был обтянут серой, болезненного вида кожей, из спины резко выпирал позвоночник. Плечи ходили ходуном, словно его рвало. Штаны сползали с бедер. Кроссовки были грязными и изношенными. Руки безжизненно висели вдоль тела.

Уоллес сделал шаг к нему, по спине у него по-прежнему бежали мурашки, все в нем кричало, призывая повернуть назад, убежать, и тут мужчина повернулся к нему. Уоллес не хотел видеть его лица, оно наверняка было столь же ужасно, как и все остальное. Все звуки казались ему приглушенными, будто его уши были забиты ватой. Когда он заговорил, ему почудилось, что надтреснутым голосом говорит кто-то другой.

– Привет? Вы... вы меня слышите?

Мужчина дернул головой и поднял ее, его руки тоже задргались. Они были по локти покрыты отвратительными волдырями.

Он медленно повернулся.

Уоллес Прайс всегда был неимоверно внимательным. Он замечал обычно даже самые мелкие детали, которые другие вполне могли упустить, например, пару слов, оброненных во время дачи показаний. И благодаря этой своей черте он обратил самое пристальное внимание на все особенности мужчины перед ним: тусклые мертвые волосы, открытый рот с почерневшими зубами, ужасающе пустой взгляд. Он имел *обличье* человека, но казался диким и опасным. И Уоллеса охватил страх, какого он никогда прежде не испытывал. Ошибка. Он совершил чудовищную ошибку. Ни в коем случае нельзя было заговаривать с... с этой вещью, чем бы она ни была. И Уоллес попробовал шагнуть назад.

Ноги не послушались его.

Звезды на небе погасли, вокруг Уоллеса сгустилась тьма, со всех сторон, подступая все ближе и ближе, потянулись к нему тени.

Мужчина тоже пошел к нему, но двигался очень неуклюже, словно колени у него не гнулись. При этом он раскачивался из стороны в сторону. Он поднял руку, его пальцы, за исключением того, что был наставлен на Уоллеса, смотрели в землю. Он снова открыл рот, но из него не вырвалось ни

слова, одно лишь звериное мычание. Мозг Уоллеса от ужаса переклинило. Он *знал*, что кожа мужчины тонка, как бумага, и невероятно суха, а прикосновение его окажется смертельным. И хотя ему твердили, что Бога нет, Уоллес впервые за многие годы начал молиться.!!ПОМОГИ МНЕ О ПОЖАЛУЙСТА ПРЕКРАТИ ЭТО!! метеором пронеслось у него в голове. Внезапно между ними спиной к Уоллесу появился Хьюго. И облегчение, какого Уоллес никогда в жизни не испытывал, наполнило его, яростно прорвавшись сквозь грудную клетку. Трос, тянувшийся от Уоллеса к груди Хьюго, был теперь не больше двух футов длиной.

Хьюго сказал:

– Нет, Камерон, нет. Нельзя. Он не твой.

Раздался негромкий клацающий звук, и хотя Уоллес не видел мужчину, он понял, что тот стиснул зубы.

– Знаю, – спокойно сказал Хьюго. – Но он не для тебя. И никогда не был.

Тут рядом с Уоллесом появилась Мэй, и он резко повернулся к ней. Она стояла на цыпочках и хмуро смотрела на него поверх плеча Хьюго.

– Вот дерьмо. – Она опустила на пятки и поднесла руки к груди, обратив левую ладонь к небу. Пальцами правой руки она отрывисто барабанила по ней, и в результате из ладони вырвалась маленькая вспышка света. Мэй взяла Уоллеса за руку.

– Отведи его домой, – сказал Хьюго.

– А ты что будешь делать? – спросила она, уже таща Уоллеса прочь. Его кисть прошла сквозь ее хватку, и ее лицо исказила гримаса.

– Я догоню вас. Мне нужно убедиться, что Камерон останется здесь.

Мэй вздохнула:

– Только не наделай глупостей. На сегодня нам их довольно.

Перед тем как Мэй завела его за угол, Уоллес обернулся. Камерон стоял, обратив лицо к небу, его рот был открыт, белый язык высунут, словно он пытался поймать им снежинки. Позже Уоллес сообразил, что ловил он отнюдь не снег.

* * *

На обратном пути он не произнес ни слова.

Мэй же все время бормотала себе под нос, что, разумеется, ее первое задание должно было стать занозой в заднице, что он действует ей на нервы, но, ей-богу, она обязательно доведет дело до конца, даже если это последнее из всего, что она когда-либо совершила и может еще совершить.

Мозг Уоллеса лихорадочно осмыслял происходящее. Он почему-то с немалым страхом отметил, что чем ближе они подходят к чайной лавке, тем меньше шелушится его кожа. А когда они ступили на грязную дорогу, ведущую к «Переправе Харона», то шелушение и вовсе прекратилось. Он по-

смотрел на свои руки и обнаружил, что выглядят они как обычно, хотя волоски на них и стояли дыбом. Крюк и трос все еще были на месте, но трос тянулся теперь туда, откуда они только что пришли.

Мэй втащила его на крыльцо и втолкнула в дверь.

– Оставайся здесь, – приказала она и хлопнула дверью перед его носом. Он подошел к окну и выглянул из него. Она стояла на крыльце и заламывала руки, глядя в темноту.

– Что за чертовщина? – прошептал Уоллес.

– Видел одного, да?

Он развернулся. Перед камином сидел в своем кресле Нельсон. В камине остались практически одни угли: красные и оранжевые головешки. Аполлон лежал на спине перед креслом, дрыгая в воздухе ногами. Перевалившись на бок, он издал некое подобие храпа, зевнул, обнажив челюсти, и закрыл глаза.

Уоллес покачал головой:

– Я... не знаю, что это было.

Нельсон хмыкнул и встал, опираясь на трость. Уоллес почему-то только сейчас заметил, что войлочные тапки на нем имеют вид кроликов с потрепанными, обвисшими ушами. Он снова повернулся к окну. Мэй вышагивала по темной, пустынной дороге перед лавкой.

Нельсон, причмокивая, зашаркал к Уоллесу. Оглядев его с головы до ног, он посмотрел в окно.

– Похоже, ты цел и невредим. Благодарю свою счастливую

звезду.

Уоллес же очень сомневался в собственной целостности и невредимости. Казалось, его мозг вкупе с другими частями тела унес ветер. Он не мог ни на чем сосредоточиться, и ему было холодно.

– Что со мной произошло? Тот... человек. Камерон.

Нельсон вздохнул:

– Горемыка. Я подозревал, что он все еще где-то там ски-тается.

– Что с ним не так?

– Он мертвец. Вот уже два года или около того. У здешнего времени свои закидоны. Иногда оно останавливается. А иногда мчится вперед большими скачками. Такова уж жизнь рядом с перевозчиком. Послушай, мистер Прайс, тебе надо...

– Уоллес.

Нельсон моргнул, как филин. И за этим последовало:

– Уоллес, тебе нужно позаботиться о себе. Камерон не имеет к тебе никакого отношения. Ты ничего не можешь для него сделать. Как далеко ты успел уйти, прежде чем наткнулся на него?

Уоллес хотел было сделать вид, что не понимает, о чем говорит Нельсон, но вместо этого произнес:

– До автозаправки.

Нельсон присвистнул:

– Нужно отдать тебе должное, это дальше, чем я думал. –

Он, казалось, немного посомневался. – Тот мир для живых. Он больше не принадлежит нам, усопшим. И те, кто пытается остаться там, теряют себя. Неважно, как это называть – безумием или другим видом смерти. В тот самый момент, что ты выбежал в эту вот дверь, он начал затягивать тебя. И чем дольше ты оставался бы там, тем хуже бы тебе пришлось.

Уоллес, ужаснувшись его словам, сказал:

– Но я был там. Несколько *дней*. Мэй появилась рядом со мной только на моих похоронах.

– Процесс ускоряется, как только ты оказываешься в «Переправе Харона». И если ты попытаешься покинуть это место, с тобой произойдет то же, что и с Камероном.

Уоллес сделал шаг назад:

– Я здесь в ловушке.

Нельсон вздохнул:

– Это не...

– Это именно что ловушка. Вы говорите мне, что я не могу уйти. Мэй похитила меня и доставила сюда, и теперь я чертов узник!

– Ну и чушь ты порешь. В задней части дома есть лестница. Я доведу тебя до четвертого этажа. Там есть дверь. Ты можешь пройти через нее, и *все это* исчезнет. Ты оставишь сей мир позади и будешь ощущать одно лишь спокойствие.

И тут до Уоллеса дошло то, чего он прежде не учитывал. Хотя это было ясно как день.

– Вы до сих пор здесь.

Нельсон бросил на него настороженный взгляд:

– Да.

– И вы мертвы.

– От тебя ничего не скроешь, верно?

– Вы не осуществили переход, – голос Уоллеса взлетел. –

И значит, все, что вы говорите, яйца выеденного не стоит.

Нельсон положил ладонь на руку Уоллеса и сжал ее сильнее, чем тот ожидал.

– Это не так. Я бы не стал лгать тебе – о таком не лгут.

Если ты покинешь это место, то кончишь как Камерон.

– Но с вами же этого не произошло.

– Верно, – медленно проговорил Нельсон. – Потому что я никуда отсюда не уходил.

– И как долго вы...

Нельсон фыркнул:

– Невежливо спрашивать кого-либо о его смерти.

Уоллес побледнел и, что было нехарактерно для него, сконфузился:

– Я не хотел...

Нельсон рассмеялся:

– Да я шучу. Стараюсь получать удовольствие везде, где могу получить. Я мертв вот уже несколько лет.

Уоллес пошатнулся. Несколько лет.

– Но вы все еще здесь, – еле слышно проговорил он.

– Да. И у меня есть на то свои причины, неважно какие.

Я остаюсь здесь, потому что таков мой выбор. Я знаю, чем

рискую. Я понимаю, что это значит. Меня пытались выгнать, но я не дался. – Он покачал головой. – Но это никак не повлияет на то, что Хьюго нужно сделать для тебя. Оставайся здесь сколько заблагорассудится. Торопиться не следует, при условии что ты понимаешь: это место – последняя остановка перед переходом. Ты должен понять это ради твоего же блага. И тогда все будет в порядке. Смотри, вот и он.

Уоллес снова повернулся к окну. По дороге с засунутыми в карманы фартука руками и со склоненной головой шел Хьюго.

– Он такой хороший мальчик, – с любовью сказал Нельсон. – Эмпатичен до ужаса еще с тех пор, как был совсем крохой. Несет на своих плечах всю тяжесть мира. Прислушайся к нему и учись у него, это пойдет тебе на пользу. Вряд ли ты когда-нибудь окажешься в лучших руках. Вспомни об этом, прежде чем начнешь обвинять его в чем ни попадя.

Мэй поджидала Хьюго на крыльце. Он посмотрел на нее и устало улыбнулся. Они заговорили друг с другом, их голоса звучали приглушенно, но отчетливо.

– Все в порядке, – сказал он. – С Камероном все... хорошо. Камерон – это Камерон. А как Уоллес?

– Он в доме, – ответила Мэй. А потом спросила: – Как считаешь, случившееся приведет сюда Руководителя?

Хьюго покачал головой:

– Скорее всего, нет. Но, бывало, имели место и более странные вещи. Если он здесь объявится, мы сумеем все объ-

яснить ему.

– Руководитель? – прошептал Уоллес.

– Тебе лучше не попадаться ему на глаза, – пробормотал Нельсон, беря трость и направляясь к креслу. – Поверь мне. Это начальник Мэй и Хьюго. Довольно противный парень. Молись, чтобы тебе не довелось встретиться с ним. А если такое произойдет, то, думаю, придется делать все, что он скажет. – Он погладил Аполлона по спине. Пес, радостно лая, носился туда-сюда у двери. Она отворилась, и он отпрыгнул от нее. Вошла тараторящая с невероятной скоростью Мэй, вслед за ней шел Хьюго. Аполлон принялся нарезать круги вокруг них обоих. Хьюго вытянул руку. Аполлон обнюхал его пальцы и попытался облизать, но его язык прошел сквозь руку Хьюго.

– Все в порядке? – спросил Хьюго, Мэй тем временем не отрывала взгляд от Уоллеса.

Нет, Уоллес был далеко не в порядке. Ну какой тут мог быть порядок?

– Почему вы не сказали мне, что я пленник?

Хьюго вздохнул:

– Дедушка.

– Что такое? – вскинулся Нельсон. – Нужно было хорошенько припугнуть его, до посинения. – Он помолчал, раздумывая над чем-то. – Почему тебе это в голову не пришло? Ты ж и сам голу...

– Дедушка.

– Я стар. И мне дозволено говорить все, что мне заблагорассудится. И тебе известно об этом.

– Моя головная боль, – пробормотал Хьюго, но Уоллес заметил ласковую улыбку на его лице. Крюк тихо подергивался у него в груди, теплый и будто мягкий. Хьюго перевел взгляд на Уоллеса, и улыбка исчезла с его лица. – Пойдемте со мной.

– Я не хочу проходить в дверь, – выпалил Уоллес. – Я не готов.

– Дверь? – повторил Хьюго.

– Там, наверху.

– *Дедушка.*

– Ась? – Нельсон приложил руку к уху. – Что-то я плохо тебя слышу. Глохну, должно быть. Горе мне! Будто моя жизнь и без того не была тяжела. Не говорите со мной сегодня, я должен собраться с мыслями.

Хьюго покачал головой:

– Я до тебя еще доберусь, старик.

Нельсон фыркнул:

– Ты не прав.

Хьюго посмотрел на Уоллеса:

– Я не собираюсь подводить вас к двери. Я сделаю это, только когда вы будете готовы. Обещаю.

И Уоллес, сам не зная почему, поверил ему.

– А куда мы тогда идем?

– Я хочу вам кое-что показать. Это не займет много вре-

мени.

Мэй смотрела на него:

– Если ты еще раз попытаешься сбежать, я приволоку тебя обратно за волосы.

Уоллесу не раз угрожали и до того – такова уж жизнь юриста, но он чуть ли не впервые воспринял адресованную ему угрозу всерьез. В устах столь миниатюрной особы она прозвучала особенно страшно.

Не успел он отреагировать на ее слова, как Хьюго обратился к ней:

– Мэй, ты не могла бы закончить подготовительную работу к завтрашнему дню? Тебе, наверное, немного осталось. Я в общем и целом просмотрел сделанное тобой до возвращения.

Проходя мимо Хьюго, Мэй пробормотала еще несколько угроз и пошла к двойной двери за стойкой. Когда она открыла ее, Уоллес увидел что-то вроде большой кухни. Она была напичкана всяческими бытовыми приборами и приспособлениями, пол был выложен квадратной плиткой.

Хьюго кивком показал на коридор:

– Вперед. Думаю, вам понравится.

Уоллес сильно сомневался в этом.

Глава 7

Похоже, Аполлон понимал, куда они направляются, и горделиво шествовал по коридору, виляя хвостом. При этом он то и дело оглядывался, желая удостовериться, что Хьюго от него не отстает.

Хьюго миновал еще одну прихожую, не удосужившись посмотреть, не отстал ли Уоллес. Стены коридора были оклеены обоями, старыми, но чистыми: маленькие цветочки казались живыми, хотя Уоллес подумал, что, может быть, это просто игра света и тени. Дверь справа вела в маленький кабинет, на столе рядом с древним компьютером лежали какие-то бумаги.

Дверь слева была закрыта: похоже, через нее также можно было попасть в кухню. Оттуда до них доносились звуки шагов Мэй и звон посуды. Мэй во весь голос распевала ка-

кую-то рок-песню, которая, наверное, была старше нее. Но поскольку Уоллес не знал, сколько ей лет (а если честно, то и *кто* она такая), то решил оставить это свое соображение при себе.

За еще одной дверью справа был туалет, табличка на ней гласила: **ДЛЯ ПАРНЕЙ, ДЕВЧАТ И НЕБИНАРНЫХ РЕБЯТ**. За дверью рядом располагались ступеньки, и если бы сердце Уоллеса могло биться, то его пульс, не сомневался он, зашкалил бы.

Но Хьюго, не принимая этого в расчет, быстро поднимался по лестнице к двери в конце коридора. Аполлон просто прошел сквозь нее. Уоллес же понял, что все еще не навострился делать такие вещи, и потому подождал, когда дверь откроет Хьюго.

Она вела на улицу и в темноту.

Уоллес помедлил на пороге, но Хьюго жестом пригласил его переступить через него.

– Все в порядке. Это всего-навсего задний двор. Ничего плохого с вами здесь не случится.

Во дворе было прохладно. Уоллес дрожал и удивлялся тому, что дрожит. Он видел впереди хвост Аполлона, но его глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к темноте. Тут Хьюго нажал на выключатель у двери, и Уоллес тихонько ахнул.

Висевшие над их головами гирлянды лампочек ожили. Хьюго с Уоллесом стояли на задней веранде. Здесь было

много столов, на них лежали перевернутые стулья. Гирлянды были развешаны по перилам веранды и по карнизу. Вниз свисали растения с закрывшимися на ночь яркими цветами.

– Вот, – сказал Хьюго, – смотрите. – Он подошел к краю веранды, где опять же были ступени, нажал на другой выключатель на деревянной балке, и новые огни вспыхнули перед верандой, освещая сухую песчаную почву и ряды...

– Чайные кусты, – ответил Хьюго на еще не заданный Уоллесом вопрос. – Я стараюсь вырастить сколько могу и покупаю листья только тех сортов, которые не выживают в нашем климате. Ничто не сравнится с чашкой чая, приготовленного из листьев с кустов, выращенных собственноручно.

Уоллес смотрел, как Аполлон ходит туда-сюда между чайными кустами, изредка останавливаясь, чтобы понюхать листья. Уоллес гадал, чувствует ли он их запах. Сам Уоллес ощущал отчетливый запах земли, и он успокаивал его сильнее, чем можно было ожидать.

– А я и не знал, что чай растет на земле, – признался Уоллес.

– А вы думали где? – удивился Хьюго.

– Я... никогда над этим не задумывался. У меня нет времени на такие вещи. – И как только эти слова слетели с его губ, он понял, как они прозвучали. В нормальной обстановке он не стал бы обращать на это внимание, но сейчас для него наступили странные дни. – Не то чтобы от этого мне было *плохо*, но...

– Жизнь ускользала от вас, – просто сказал Хьюго.

– Ну да, – пробормотал Уоллес. – Что-то вроде этого. – А затем добавил: – Но почему именно чай?

Он вслед за Хьюго спустился по ступенькам. Растения были высокими, самые высокие и зрелые доходили Уоллесу до пояса. Краем сознания он отметил, что трос между ним и Хьюго сильно натянулся.

Он остановился, когда Хьюго наклонился, чтобы прикоснуться к листьям одного из самых высоких растений. Листья же на нем были маленькими, гладкими и зелеными. Хьюго провел пальцем по одному из них.

– Отгадайте, сколько лет этому кусту.

– Понятия не имею. – Уоллес окинул взглядом другие кусты. – Полгода? Год?

Хьюго издал короткий смешок:

– Нет, немного больше. Он появился у меня довольно рано. На следующей неделе ему исполнится десять лет.

Уоллес моргнул:

– Сколько-сколько?

– Выращивать чай – это не для всех. Многие растения достигают зрелости только в три или четыре года. Можно собрать листья и раньше, но во вкусе и запахе будет чего-то не хватать. И потому нужно иметь терпение. Поспешив, можно погубить куст, и придется начинать все сначала.

– Мы говорим о чем-то одном, но вы имеете в виду нечто совершенно иное?

Хьюго пожал плечами:

– Я говорю о чайных кустах, Уоллес. А вы так не считаете?
Уоллес не знал, верить ему или нет.

– Я много чего считаю.

Хьюго сказал:

– Осенью некоторые кусты цветут – маленькими цветками с желтой середкой и белыми лепестками. Аромат стоит неопиcуемый. Он смешивается с запахом леса, и ничто в мире не может с этим сравниться. Осень – мое любимое время года. А у вас?

– А вам какая разница?

– Мне просто интересно, Уоллес.

Уоллес пристально смотрел на него.

Хьюго не стал заострять внимание на этой теме.

– Иногда я разговариваю с моими кустами. Знаю, звучит странно, но, согласно некоторым исследованиям, растения реагируют на человеческий голос. И здесь важны не убедительность и не собственно слова, а голосовые вибрации. Я хочу когда-нибудь установить здесь колонки, чтобы чай слушал музыку. А вы разговариваете с растениями?

– Нет, – ответил он, замороженный рядами зеленых кустов на фоне темной земли. Они были посажены на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга, их листья блестели при свете звезд, и пахли они так, что Уоллес непроизвольно сморщил нос. Запах был не противным (совсем наоборот), а просто ошеломляющим. – Это глупо.

Хьюго улыбнулся:

– Немного. Но я все же делаю это. Кому от этого плохо, верно? – Он снова обратил взгляд на растения перед ним. – Нужно быть осторожным, собирая листья. Иначе можно погубить кусты. Мне потребовалось немало времени на то, чтобы понять это. Вы не можете представить, сколько растений мне пришлось выкорчевать и выбросить из-за моей поспешности.

– Растения живые, – заметил Уоллес.

– Да. Не так, как вы и я, но на свой манер.

– А бывают растения-призраки?

Хьюго воззрился на него с широко открытым ртом.

Взгляд Уоллеса стал злым:

– Не надо так на меня смотреть. Сами велели мне задавать вопросы.

Хьюго закрыл рот и покачал головой:

– Не бывают – хотя я никогда не думал об этом. Интересно. – Он искоса посмотрел на Уоллеса. – Мне нравится, как вы мыслите.

Уоллес отвел взгляд.

– Нет, – сказал Хьюго. – Не думаю, что бывают такие растения, хотя это было бы интересно. Да, они живые. И, может, реагируют на наше желание общаться с ними, поддержать их. А может, и нет, и это всего-навсего выдумка, благодаря которой мир кажется нам более загадочным, чем он есть на самом деле. Но души у растений нет, по крайней мере, я так

считаю. И в этом заключается разница между нами и ими. Они умирают, и все. Мы умираем, и...

– Против воли оказываемся в чайной лавке посреди нигде, – горько сказал Уоллес.

Хьюго вздохнул:

– Давайте поговорим о чем-нибудь еще. Вам нравилось быть живым?

Опешивший Уоллес ответил:

– Конечно нравится. – И тут его лицо посуровело: – Нравилось. Конечно нравилось. – Но это прозвучало слишком фальшиво даже для его собственных ушей.

Хьюго медленно вытер руки о фартук.

– А что вам в этом нравилось? – продолжал выпрашивать он, уже шагая вдоль кустов.

Уоллесу не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

– А разве это не всем нравится?

– Думаю, большинству нравится. Хотя я не могу говорить за всех. Но вы не большинство, и здесь кроме вас никого нет, вот мне и пришлось обратиться с этим вопросом к вам.

– А что в этом нравится *вам*? – переадресовал Уоллес заданный ему вопрос. Его раздражение росло.

– Много чего, – легко ответил Хьюго. – Ну, во-первых, растения. Земля под ногами. Это место. Здесь все обстоит иначе, и не только потому что я тот, кто есть, и занимаюсь тем, чем занимаюсь. Я долго не мог дышать. Мне не хватало

воздуха. Я чувствовал себя... подавленным. Потерпевшим крах. Словно на мои плечи взвалили непомерный груз и я не знал, как сбросить его. – Он снова посмотрел на Уоллеса: – Вам знакомо это состояние?

Да, знакомо, но он не собирался признаваться в этом здесь и сейчас. Он никогда в этом не признается.

– Вы не мой психотерапевт.

Хьюго покачал головой:

– Да, согласен. Для этого у меня нет нужных навыков, хотя время от времени мне приходится играть такую роль. Это составная часть моей работы.

– Работы, – повторил за ним Уоллес.

– Я продаю чай, – продолжал Хьюго. – Сюда приходят люди, и некоторые из них сами не понимают, чего ищут. Вот я и стремлюсь выяснить, что они из себя представляют, и только потом решаю, какой чай им нужен. Это процесс познания. И обычно мне удается это, хотя и не всегда.

– Мята, – сказал Уоллес.

– Мята, – согласился Хьюго. – Я угадал?

– Вы даже еще не были знакомы со мной.

Хьюго пожал плечами:

– Иногда у меня бывают предчувствия.

– Предчувствия. – Уоллес не смог утаить послышавшегося в его голосе презрения. – Сами должны понимать, как это звучит.

– Да, понимаю. Но это же просто чай. Так что нечего за-

водиться.

Уоллес почти что закричал:

– У вас было *предчувствие*, что это должна быть мята.

– Да. Все так. – Хьюго остановился перед еще одним кустом, наклонился, подобрал с земли завядшие листья и с крайней осторожностью положил в карман фартука, словно боялся раскрошить их. – Я ошибся?

– Нет, – нехотя признал Уоллес. – Не ошиблись. – Он подумал, что Хьюго попросит его объяснить, что значит для него мята.

Но он этого не сделал.

– Хорошо. Мне нравится попадать в десятку, но, как я уже говорил, такое случается далеко не всегда. И я стараюсь быть осторожным. Нельзя за деревьями терять лес.

Уоллес понятия не имел, о чем это он. Все казалось ему перевернутым вверх тормашками. Крюк в груди снова стал слегка подергиваться. Ему хотелось вырвать его, наплевав на возможные последствия.

– Мне нравилось быть живым. И я хочу снова стать живым.

– Кюблер-Росс.

– Что?

– Была такая женщина. Звали ее Элизабет Кюблер-Росс. Вы слышали о ней?

– Нет.

– Она была психотерапевтом...

– О боже милостивый.

– Психотерапевтом, занимающимся проблемами смерти и тем, что происходит с людьми, оказавшимися на волосок от смерти. Ну вы знаете: ты поднимаешься над своим телом и летишь на яркий белый свет, хотя, подозреваю, все это немного сложнее. И многое из этого чрезвычайно трудно понять. – Он потер челюсть. – Кюблер-Росс работала с такими понятиями, как трансцендентность, эго и пространственно-временные границы. Это сложно. А я человек простой.

– Неужели? – скептически буркнул Уоллес.

– Осторожно, Уоллес, – отозвался Хьюго, его губы были готовы сложиться в улыбку. – Это звучит почти как комплимент.

– Это *не было* комплиментом.

Хьюго проигнорировал его слова.

– Она была известна по многим причинам, но, пожалуй, самым большим ее достижением стала модель Кюблер-Росс. Вам известно, что это такое?

Уоллес отрицательно покачал головой.

– Вы наверняка знакомы с этой теорией, только не знаете, как она называется. И, разумеется, новейшие исследования не всегда подтверждают ее, но, думаю, для начала это было неплохо. У горя пять стадий.

Уоллесу хотелось снова оказаться в лавке. Хьюго же опять повернулся к нему лицом. Он не стал подходить ближе, но Уоллес не мог сдвинуться с места, у него пересохло в горле.

Он был чайным кустом, укорененным в почве, недостаточно зрелым для того, чтобы с него снимали урожай. Трос между ними тихо гудел.

Хьюго сказал:

– Я на практике убедился, как она права. Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие. Такой порядок необязателен, и не все эти этапы реализуются в каждом отдельном случае. Возьмем, к примеру, вас. Вы, похоже, перемахнули через отрицание. Гнев вы явили в его совершенной форме, и к нему примешалось немного торга. Возможно, больше, чем «немного».

Уоллес напрягся:

– Непохоже, что эта теория годится для мертвых. Она для продолжающих жить близких. Я не могу горевать по себе.

Хьюго медленно покачал головой:

– Еще как можете. Мы все время занимаемся этим, неважно, живы мы или нет, мы горюем как по несущественным поводам, так и по существенным. Каждый из нас все время немного печален. Да, Кюблер-Росс занималась живыми людьми, но ее теория прекрасно подходит и к людям вроде вас. И, может быть, даже лучше, чем к живым. Я часто гадал, а каково ей пришлось после смерти? Пройшла ли она через все это самостоятельно или же тут нас могут поджидать какие-нибудь сюрпризы? А вы как считаете?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– О'кей.

– О'кей?

– Конечно. Вам нравятся растения?

Уоллес уставился на него:

– Растения – это растения. Всего лишь растения.

– Тише. Они могут слышать ваши слова, а они очень чувствительны.

– Вы сумасшедший.

– Я предпочитаю думать о себе как об эксцентричной особе. – Теперь он снова улыбался. – По крайней мере, так воспринимают меня в городе. Некоторые даже верят, что здесь живут привидения. – Он засмеялся своим словам. Уоллес никогда не обращал внимания на то, как люди смеются, но сейчас он все делал впервые. Хьюго смеялся от души, его смех был низким и естественным.

– И вас это не волнует?

Хьюго склонил голову набок:

– Нет. С какой стати? Ведь это правда. Вы призрак. Дедушка и Аполлон тоже. Не вы первый, не вы последний. «Переправа Харона» кишит привидениями, только они не такие, какими их представляют большинство людей. У них теперь нет бряцающих цепей, и они ведут себя тихо. – Он нахмурился: – Ну, по крайней мере обычно. Правда, дедушка может немного пошалить, когда к нам приходит санинспектор, но обычно мы стараемся избежать имиджа дома с привидениями. Он плохо сказался бы на бизнесе.

– Ну, они же все еще здесь, – сказал Уоллес. – Нельсон.

Аполлон.

Хьюго обошел его и направился обратно к дому. Его пальцы проходились по кончикам самых высоких кустов. Под его прикосновениями растения склонялись, а потом быстро распрямлялись.

– Да, здесь.

Уоллес шел за ним.

– Почему?

– Я не могу говорить за дедушку. Вам придется спросить у него.

– Я спрашивал.

Хьюго оглянулся, на его лице было написано удивление.

– И что он ответил?

– Что это не мое дело.

– Похоже на него. Он упертый.

– А Аполлон?

Пес, услышав, что речь идет о нем, залаял – утробно и отрывисто. И побежал вдоль кустов по левую руку от них. Он не поднимал пыли, от его лап не летела во все стороны грязь. Он остановился у крыльца – спина выгнута, нос и усы подрагивали, когда он смотрел в сторону леса. Уоллеса поразило, до чего же здешняя ночь не похожа на ночь в городе, тени казались ему почти живыми, разумными.

– Я опять же не могу ответить на ваш вопрос, – сказал Хьюго. И тут же добавил: – Не потому что не хочу, но потому что не знаю точно. Собаки не похожи на нас. Они... чистые

создания, в отличие от нас. Никогда прежде сюда не приходила собака, которой нужно было бы помочь совершить переход. Я слышал истории о перевозчиках и перевозчицах, имеющих дело с животными, но это не мой случай. Хотя я работал бы с ними с удовольствием. Животные не так сложны, как люди.

– А почему тогда он... – запнулся Уоллес. А потом закончил: – Почему он ваш?

Хьюго остановился. Аполлон смотрел на него с обожанием и дурашливой улыбкой, он успел забыть о том, что его заинтересовало что-то там в лесу. Хьюго протянул руку к морде пса. Тот обнюхал его пальцы.

– Он и был моим, – спокойно ответил Хьюго. – И остается. Он был служебной собакой. Или, по крайней мере, старался ей быть. У него не получалось, потому что его не смогли выдрессировать. Но я все равно люблю его.

– Служебной собакой? Как, скажем... – Но на ум ему ничего не приходило.

– О, скорее всего, не такой, как вы себе это представляете. Я не ветеран, и у меня нет посттравматического расстройства. – Хьюго пожал плечами: – Когда я был моложе, моя жизнь была трудной. Иногда я просто не мог встать с кровати. Депрессия, тревога, целый букет диагнозов, с которыми я не мог справиться. Были также доктора, и лекарства, и «Сделай это, Хьюго, сделай то, Хьюго, ты почувствуешь себя лучше, если всего лишь *позволишь* себе чувствовать себя лучше,

Хьюго». – Он издал короткий смешок. – Тогда я был другим человеком. Я не знал того, что знаю сейчас, хотя это знание всегда было частью меня. – Он кивнул в сторону Аполлона. – Однажды я услышал за окном тихое скуление. Дождь шел, казалось, несколько недель. Я почти не обратил внимания на этот звук. Мне хотелось натянуть на голову одеяло и забыть о мире. Но что-то заставило меня подняться и выйти на улицу. И я обнаружил под кустом у моего дома дрожащего щенка. Он был настолько истощен, что можно было пересчитать его ребра. Я взял его на руки и принес в дом. Вытер и накормил. И он остался со мной навсегда. Забавно, верно?

– Не знаю.

– Не знать – это в порядке вещей. Мы многого не знаем и никогда не узнаем. Я не знаю, как и откуда он пришел сюда. И подумал, что он может стать хорошей сторожевой собакой. Он казался достаточно умным для этого. Таким он был – и есть. Но ничего у нас не получилось. Он отвлекался на многие вещи. Но разве можно его винить? Я, конечно же, не делаю этого. Он старался изо всех сил, и это единственное, что имеет значение. Оказалось, он был... Он был тем, чего мне не хватало. Он не помог мне ответить на все имеющиеся у меня вопросы, но начало было положено. Он прожил хорошую жизнь. Не такую долгую, как мне хотелось бы, но все же хорошую.

– Но он здесь.

– Да, – согласился Хьюго.

– В тюрьме. – Руки Уоллеса сжались в кулаки.

Хьюго помотал головой:

– Нет. У него есть выбор. Я снова и снова пытался подвести его к двери наверху. Сказал ему, что он может уйти и это в порядке вещей. Что я никогда его не забуду и всегда буду благодарен ему за то время, что мы провели вместе. Но он сделал свой выбор. Дедушка сделал свой выбор. – Он снова посмотрел на Уоллеса. – У вас тоже есть возможность выбирать, Уоллес.

– Вы говорите о выборе? – прошипел Уоллес. – Если я уйду отсюда, то превращусь в одно из тех... тех *сущест*. Если я ступлю за порог лавки, то превращусь в пыль. А тут еще эта хреновина у меня в груди. – Он посмотрел на трос между ними. Трос мигнул. – Что это такое?

– Мэй называет его красной нитью судьбы.

Уоллес моргнул:

– Он не красный. И не нить.

– Знаю. Но все же такое название подходит ему. Мэй сказала... как же там было? Ах да. В одном китайском мифе боги обвязывают красной нитью лодыжки тех, кому предназначено встретиться и помогать друг другу. Красивая мысль, верно?

– Нет, – резко сказал Уоллес. – Это оковы. Цепь.

– Скорее страховка, – миролюбиво возразил Хьюго. – Хотя, думаю, вы сейчас так не считаете. Он – своего рода ваше заземление. Он поможет мне найти вас, если вы вдруг заблу-

дितесь.

Все это не успокоило Уоллеса.

– А что будет, если я вырву его?

Хьюго помрачнел:

– Вы улетите.

Уоллес был ошеломлен:

– Что?

– Если вы попытаетесь выдернуть его, находясь на территории чайной лавки, то вы... воспарите. И не знаю, сумеете ли остановиться. Но если это произойдет *за* ее пределами, то начнете терять человеческую сущность и будете расслаиваться до тех пор, пока от вас не останется одна оболочка.

– Это... это не имеет никакого смысла! Кто, черт побери, устанавливает такие порядки? – рассвирепел Уоллес.

Хьюго пожал плечами:

– Вселенная, как мне кажется. И это не так уж и плохо, Уоллес. Это помогает мне помогать вам. А пока вы здесь, я могу лишь дать вам представление о ваших возможностях, о том выборе, который вы в состоянии сделать. Убедить в том, что бояться вам нечего.

Уоллес почувствовал острую боль в глазах. Он быстро заморгал, не в силах встретиться с Хьюго взглядом.

– Как вы можете говорить такое? Вы же не знаете, на что это похоже. Это несправедливо.

– Что именно?

– Это! – крикнул Уоллес, яростно обводя руками все во-

круг. – Все это. Я этого не просил. Я этого *не хочу*. Мне есть чем заняться. У меня есть обязанности. У меня есть *жизнь*. Как вы смеете говорить, что у меня есть выбор, если все кончится тем, что я превращусь в подобие Камерона или пройду через вашу чертову дверь?

– А вот и отрицание.

Уоллес воззрился на него:

– Вы мне не нравитесь. – Это было нагло и подло, но Уоллес не мог заставить себя быть осмотрительным.

Хьюго отреагировал спокойно:

– Все в порядке. Мы еще доберемся до этого. Я не стану принуждать вас к тому, чего вы не хотите. Я здесь для того, чтобы направлять вас. И прошу лишь дать мне возможность делать это.

Уоллес проглотил вставший в горле ком.

– Почему это так важно для вас? Зачем вам все это? Какой во всем этом смысл?

Хьюго улыбнулся:

– Для начала неплохо. Возможно, для вас еще не все потеряно.

И с этими словами он взошел на крыльцо. Аполлон шел за ним как привязанный. Хьюго остановился у двери и оглянулся на Уоллеса, все еще стоящего среди чайных кустов.

– Вы идете?

Уоллес повесил голову и стал с трудом подниматься по ступенькам.

Хьюго зевнул, закрывая за ними дверь. Он сонно моргал и потирал челюсть. Уоллес слышал, как тикают часы в лавке. До его побега они сбивались с ритма, заикались и спотыкались, заикались и спотыкались. А теперь шли ровно. Уоллес не знал, что это может означать.

– Уже поздно, – сказал ему Хьюго. – Мы здесь встаем рано. Нужно испечь булочки, а чай должен настояться.

Уоллес пребывал в смятении. Он не знал, что будет дальше.

– Прекрасно. Если вы покажете мне мою комнату, я оставлю вас в покое.

– Вашу комнату?

Уоллес стиснул зубы:

– Или дайте мне одеяло, и я буду спать на полу.

– Вы не нуждаетесь в сне.

Уоллеса передернуло:

– Что?

Хьюго смотрел на него с любопытством:

– Вы разве спали, с тех пор как умерли?

Ну... нет. Не спал. Но у него не было на это времени. Он был слишком занят, стараясь понять смысл этой бессмыслицы. Ему не пришла в голову мысль о том, что надо бы поспать, даже когда все стало как в тумане и он оказался на

собственных похоронах. А затем объявилась Мэй и притащила его сюда. Так что нет. Он не спал.

– Мне было чем заняться.

– Разумеется. Вы устали?

Он не устал, и это было странно. Он должен был вымотаться. Учитывая все случившееся, он должен чувствовать себя выжатым лимоном и двигаться вяло. Но он никогда еще не был таким бодрым.

– Нет, – пробормотал он. – И это очень странно.

– Вы мертвы, – напомнил Хьюго. – Думаю, отныне сон будет казаться вам самой незначительной из ваших проблем. За все годы работы перевозчиком я не встречал спящего призрака. Это было бы чем-то новеньким. Но, думаю, вы можете попробовать. Расскажите потом, что у вас получилось.

– А что же тогда мне полагается делать? – спросил Уоллес. – Стоять здесь и ждать, когда вы проснетесь?

– Можно и так, – ответил Хьюго. – Но можно ждать этого в более подходящем месте.

Уоллес смотрел сердито:

– Не смешно.

– Вы можете заниматься, чем хотите, при условии, что не покинете территорию чайной лавки. Мне бы не хотелось снова бегать за вами.

– Чем захочу?

– Конечно.

И впервые с тех пор, как он очутился в чайной лавке, Уо-

ллес улыбнулся.

* * *

– Мэй.

– Пшел.

– Мэй.

– К-рый час?

– Мэй. Мэй. *Мэй.*

Она села на кровати с одеялом вокруг талии. На ней была безразмерная майка с изображением Фридриха Ницше. Покачивая головой взад-вперед, она остановила взгляд на Уоллесе, переминающемся с ноги на ногу в углу комнаты.

– Что? В чем дело? Что не так? На нас напали?

– Нет. Что вы делаете?

Она вытаращилась на него:

– *Пытаюсь* поспать.

– Правда? Ну и как, получается?

– Не слишком.

– А вы знаете, что я больше не могу спать?

– Да, – медленно проговорила она.

Он кивнул:

– Ну тогда ладно. – Потом развернулся и прошел сквозь стену.

– Оооооох! – простонал он громко, как только мог. – Ооооооооооох! – Он ходил взад-вперед по коридору нижнего этажа, слегка озадаченный тем, что, похоже, не может заставить свои ноги громко топтать, как бы ни старался. Он пытался колотить руками в стены, но почти что выпадал наружу. И потому издавал обычные для привидений звуки, коих слышался, смотря фильмы ужасов. Ему очень не хватало цепей, чтобы бряцать ими.

– Я мееееертв. *Мееееееееертв!* Горе мнеееее.

– Не заткнулся бы ты? – крикнула из своей комнаты Мэй.

– Заставьте меня! – прорычал в ответ Уоллес и удвоил усилия. Он продолжал в том же духе еще шестнадцать минут, пока на его голову не опустилась трость.

– Ой! – вскрикнул он, потирая макушку. Развернувшись, он увидел стоящего перед ним и хмурящего брови Нельсона. – За что?

– Будешь вести себя прилично? А не то я могу повторить.

Уоллес потянулся к трости Нельсона, намереваясь забрать ее и выбросить, но у него ничего не получилось, и он лишь, споткнувшись, сделал шаг туда, где тот стоял, прежде чем раствориться в воздухе.

Уоллес вытаращенными глазами оглядел пустую чайную лавку.

– Хм, – произнес он. – Алло? Где... куда вы подевались?

– Бу, – шепнул ему на ухо чей-то голос. Уоллес не то чтобы закричал, но взвизгнул. И чуть было не упал, разворачиваясь. Нельсон стоял за ним, выгнув кустистые седые брови.

– Как вы это сделали?

– Я призрак, – сухо ответил Нельсон. – И способен практически на все. – Он сделал вид, что снова замахнулся тростью на Уоллеса. Уоллес попятился. – Так-то лучше. Завязывай с этой дребеденью. Может, тебе здесь и не нравится, но это не повод для того, чтобы мучить нас. Или заткнись, или иди за мной.

– А почему это я должен *куда-то* с вами идти?

– О, не знаю, – сухо ответил Нельсон. – Может, потому что кроме тебя я здесь единственный призрак человека? А может, потому что я умер гораздо раньше тебя и мне известно куда больше, чем тебе? А может, еще и потому что я тоже не сплю и мне приятно скоротать время в твоей компании? Выбери что-нибудь одно, парень, или не выбирай ничего, но только прекрати свое inferнальное безобразие, пока я снова не огрел тебя тростью.

– А с какой стати вам помогать мне?

Брови Нельсона взлетели к линии волос.

– Думаешь, все дело в тебе? – презрительно фыркнул он. – Черта с два. Я помогаю своему внуку. И не смей забывать об этом. – И с этими словами он прошел мимо Уоллеса и зашаркал по коридору в переднюю часть дома, уши тапочек-кроли-

ков взлетали и падали. – Помогать ему, – пробормотал он. – Пфф.

Уоллес смотрел ему вслед. Он предпочел бы не двигаться с места, но перспектива удара тростью казалась малоприятной. И он поспешил за стариком.

Нельсон с ворчанием опустил в кресло перед горящим камином. Аполлон лежал на боку рядом, его грудь медленно вздымалась и опускалась. Кто-то подмел стекло разбившейся лампочки и приглушил светильники.

– Сядь на стул, – сказал Нельсон, не глядя на него.

Уоллес вздохнул, но сделал, как было велено.

По крайней мере попытался.

Он подошел к ближайшему столику и потянулся к одному из перевернутых стульев. И нахмурился, когда его рука прошла сквозь ножку. Он, пытая носом, повторил попытку, но результат оказался тем же. Он попытался сделать это еще раз. И еще. И *еще*.

Уоллес слышал, как смеется Нельсон, но не обращал на это внимания. Если у Нельсона получается сидеть в кресле, значит, Уоллес тоже способен на такое. Нужно только понять, как это можно осуществить.

Спустя какое-то время он почувствовал еще большее раздражение оттого, что так и не смог ухватить стул.

– Принятие.

– Что?

– Ты признал, что мертв, – сказал Нельсон. – По крайней

мере, чуть-чуть. И потому считаешь, что не можешь взаимодействовать с материальным миром. Твой мозг играет с тобой дурные шутки.

Уоллес фыркнул:

– А разве вы все не хотели от меня именно этого? Чтобы я признал себя мертвым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.